

ЭЛИЗАБЕТ МУН

ПРЕМИЯ НЕБЬЮЛА

СКОРОСТЬ
ТЬМЫ

Эта книга действительно изменяет мировоззрение
читателя.

The Washington Post Book World

FANZON

Fanzon. Избранная фантастика

Элизабет Мун
Скорость тьмы

«ЭКСМО»

2003

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мун Э.

Скорость тьмы / Э. Мун — «Эксмо», 2003 — (Fanzon. Избранная фантастика)

ISBN 978-5-04-190010-6

Захватывающее исследование сознания человека с аутизмом, который сталкивается со сложными и глубокими вопросами о сути человечности отчуждением в мире-утопии. Лауреат премии «Небьюла» 2004 г. Финалист премии Артура Ч. Кларка 2003 г. Номинация на премию «Локус» 2004 г. Номинация на премию Геффена 2005 г. (Израиль). Номинация на Большую премию Воображения 2007 г. (Франция). Номинация на приз Курда Лассвица 2008 г. (Германия). Недалекое будущее. Медицина продвинулась настолько, что врачи могут устранять любые генетические дефекты и наследственные болезни сразу при рождении человека. Но, к сожалению, есть целое поколение людей, которые появились до возникновения этой терапии. Общество учит их ладить со всем здоровым миром с помощью различных программ, но сделать их нормальными не может. До определенного момента. Лу Аррендейл — представитель этого потерянного поколения. Он ведет спокойную и независимую жизнь, не считая ежегодных визитов к психологу, имеет стабильную работу в фармацевтической компании, научился смотреть собеседнику в глаза, умеет учитывать вежливые условности в разговорах и делает все возможное, чтобы быть как можно более нормальным и не привлекать к себе внимания. Но теперь его спокойная жизнь оказывается под угрозой. Появляется новое экспериментальное лечение, позволяющее излечить взрослого человека от заболеваний аутистического спектра. После него Лу станет таким же, как и все вокруг. Но Лу задается вопросами — если он избавится от аутизма, останется ли самим собой? Будет ли по-прежнему любить классическую музыку? Видеть в мире те же цвета и узоры, оттенки и тона, недоступные другим? И, самое главное, будет ли он так же любить Марджори, девушку, которая, вероятно, никогда не ответит ему взаимностью, пока он болен? Лу предстоит решить, стоит ли ему соглашаться на операцию, которая может полностью изменить его мировоззрение... И

саму его сущность. «Красивая и трогательная история... Писательница — мать подростка, страдающего аутизмом, и ее любовь к нему раскрывается в истории Лу. Он оказывает глубокое и неизгладимое влияние на читателя, показывая ему иной взгляд на мир». — The Denver Post «Время от времени попадаетея книга, которая одновременно является важным литературным достижением и полностью захватывает читателя — книга с провокационными идеями и не менее захватывающим сюжетом. Этот роман — именно такой». — Fort Lauderdale Sun-Sentinel «Великолепно и талантливо... Эта книга действительно изменяет мировоззрение читателя». — The Washington Post Book World «Увлекательное путешествие по темным граням подсознания, которое помогает понять самого себя». — The Seattle Times «Удивительное путешествие, которое погружает нас в сознание аутиста, оказавшегося перед страшным выбором: стать нормальным или остаться пришельцем на собственной планете». — Мэри Дориа Рассел

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190010-6

© Мун Э., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

I	7
II	17
III	28
IV	37
V	45
VI	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Элизабет Мун

Скорость тьмы

Elizabeth Moon
Speed of Dark

© 2003 by Elizabeth Moon

© О. Лемпицкая, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Майклу, чьи смелость и жизнелюбие не перестают меня радовать, Ричарду, без чьей любви и поддержки мне было бы в два раза сложнее. А также всем родителям аутичных детей в надежде, что они тоже научатся находить счастье в непохожести на других.

I

Вопросы, одни вопросы. Ответов они не ждут. Громоздят вопрос на вопрос, будто колют тебя вопросами каждую секунду, и ты уже ничего не ощущаешь, кроме этих уколов.

Или приказы. Если не «Лу, что это?», то «скажите, что это, Лу!». Чашка. Все та же чашка из раза в раз. Это чашка, причем уродливая. Скучная чашка. Чашка, начисто лишенная характера, совершенно не интересная чашка. И эта неинтересная чашка мне абсолютно не интересна.

Какой смысл отвечать, раз они все равно не слушают?

Вслух я этого не говорю: научен опытом. За все хорошее в жизни я плачу тем, что говорю то, что требуется, а не то, что действительно думаю.

В этом кабинете четыре раза в год оценивают мое состояние и дают полезные рекомендации, и сегодняшняя психиатр не меньше остальных уверена в своем превосходстве. Уверена так, что смотреть противно, я и не смотрю лишний раз. Но это тоже небезопасно: считается, что я должен сохранять зрительный контакт. Поднимаю глаза.

Доктор Форнам, аккуратная и строгая, вздернув бровь, покачивает головой – не слишком незаметно. Люди, страдающие аутизмом, не способны распознавать подобные сигналы – так написано в учебнике. Я читал учебник и знаю, что именно я не способен распознавать.

В чем я еще не разобрался – это что не способны распознавать *они*. Здоровые люди. Нормальные. Те, что имеют ученые степени и сидят за большими столами в удобных креслах.

Я уже знаю, чего не понимает доктор Форнам. Например, что я умею читать. Она думает, что я гиперлексик и механически повторяю слова. Для меня неясно отличие между тем, как читает сама доктор Форнам, и тем, что она называет «механическим повторением». Она не знает, что у меня большой словарный запас. Каждый раз спрашивает, где я работаю, я говорю, что по-прежнему работаю в фармацевтической компании, а она интересуется, знаю ли я, что значит «фармацевтическая». Думает, что я повторяю механически. Для меня неясно, почему мой большой словарный запас называется «механическим повторением». Доктор Форнам тоже использует длинные слова в разговорах с другими докторами, медсестрами и лаборантами, сыплет ими без конца, хотя можно было бы сказать проще. Она знает, что я работаю за компьютером, знает, что я учился в школе. По идее, эта информация противоречит ее убеждению, что я практически безграмотен и едва умею говорить, но ее это не волнует.

Она разговаривает со мной как с очень глупым ребенком. Не любит, когда я использую «умные слова» – так она выражается, просит «сказать, что думаю».

Я думаю, что скорость тьмы так же интересна для изучения, как скорость света. Думаю, что тьма, возможно, быстрее, и надеюсь, что когда-нибудь ученые это выяснят.

Думаю о силе притяжения. Если существует мир, где она в два раза больше, будет ли в этом мире ветер в два раза сильнее, потому что воздух тяжелее? Сдует ли он со стола не только салфетку, но и стакан? Или при большей силе притяжения стакан станет тяжелей и даже более сильный ветер его не сдвинет?

Думаю, что мир большой, пугающий, шумный и сумасшедший, однако он красив и постоянен в своей хаотичности.

Цвета для меня живые, а люди представляются цветными карандашами – белыми, коричневыми, черными. У нее по-другому, ну и что?

Еще думаю, что она не знает о моих вкусах и желаниях, а я знаю. И буду хотеть, чего хочется, и думать, о чем думается, не спрашивая ее разрешения.

А ей и неинтересно, о чем я думаю. Ей нужно услышать правильные слова. «Доброе утро, доктор Форнам», «Да, все хорошо, спасибо!», «Ничего-ничего, я подожду».

Я подожду, ничего страшного. Пока она говорит по телефону, можно рассматривать блестящие предметы в кабинете, о которых она не имеет понятия. Иногда я наклоняю голову вперед и назад, чтобы поймать отблеск света на позолоченном корешке на полке книжного шкафа в углу. Если она замечает, что я наклоняю голову вперед и назад, она делает пометку в моем деле. Иногда даже прерывает разговор и просит перестать. Когда качаю головой я, это называется стереотипией, а когда качает головой она – это чтобы расслабить шею. Мне нравится наблюдать, как вспыхивает и потухает на корешке отражающийся свет.

В кабинете доктора Форнам странная смесь запахов: бумага, чернила, книги, клей, на который посажено ковровое покрытие, пластик стульев, но есть что-то еще – кажется, шоколад... Она хранит коробку конфет в ящике? Хотел бы я знать. Если спрошу, она обязательно сделает пометку в деле. Замечать запахи не принято. Пометка о том, что ты заметил нечто, что не принято замечать, это плохо. Хотя в целом замечать – это хорошо.

Мне кажется, люди не во всем одинаковы. Она любит повторять: «все знают это» или «все делают то». Я аутист, но я не слепой: все знают и делают разное. Машины на парковке разных цветов и размеров. Сегодня тридцать семь процентов машин синие. Грузовики и фургоны составляют девять процентов. Мотоциклов всего восемнадцать, парковочных зон для них три. Получается, ровно по шесть, но десять припаркованы у техобслуживания. Существуют разные каналы, разные телепередачи – этого не было бы, будь все люди одинаковыми.

Она откладывает телефон, смотрит на меня с тем самым выражением. Не знаю, как назвали бы его другие, но для меня это выражение «нормального человека». У нее на лбу написано, что она нормальная и все знает о жизни, а я хуже ее, я будто бы ненастоящий человек, хоть я все прекрасно чувствую, например ребристую поверхность офисного стула. Раньше я подкладывал под себя журнал, но она говорит: не нужно этого делать. Думает, раз она нормальная, то лучше знает, что мне нужно, а что нет.

– Да, доктор Форнам, я слушаю.

Слова льются на меня, едкие, как уксус.

– Послушайте и ответьте на вопросы, – говорит она и ждет.

– Хорошо, – говорю я.

– Замечательно, – говорит она, не глядя на меня.

В коридоре слышны приближающиеся шаги. Идут двое, разговаривают. Вскоре их слова перемежаются с ее. «Следующая пятница...» «Собираюсь к Дебби...» «Неужели? Зря...» «А я их предупреждал!» «Не может быть!» «Вот так птичка!» Доктор Форнам ждет от меня ответа. Вопрос, кажется, был не про птиц.

– Извините, – говорю я.

Она советует быть повнимательней, делает еще одну пометку и спрашивает, с кем я общаюсь.

Ей не нравится, когда я отвечаю, что играю в Сети со своим другом Алексом из Германии и другом Ки из Индонезии.

– В реальной жизни, – сухо поправляет она. – Например, на работе.

Я рассказываю, она опять кивает, затем спрашивает о боулинге, мини-гольфе и местном сообществе аутистов.

От боулинга болит спина и отвратительно шумит в голове. Мини-гольф для детей, а не для взрослых, но мне он не нравился даже в детстве. Мне нравился лазертаг, но, когда я сказал ей об этом на первой встрече, она написала «склонность к агрессии». Потом мне еще долго каждый раз задавали серию вопросов про агрессию, а пометка, я уверен, осталась в деле навсегда. Я напоминаю, что не люблю боулинг и мини-гольф, она советует попробовать еще. Я говорю, что ходил на три фильма, и она спрашивает, о чем они. Я читал отзывы и могу рассказать сюжет. Смотреть фильмы я тоже не очень люблю, особенно в кинотеатрах, но я должен что-то рассказать... она пока не догадалась, что я просто пересказываю сюжет по отзывам.

Внутренне сжимаюсь перед следующим вопросом – он всегда меня злит. Моя сексуальная жизнь ее не касается! Будь у меня девушка или парень, ей я рассказал бы последней. Она и не думает, что есть, она просто хочет подтвердить, что нету, – от этого еще хуже.

Наконец-то! Она прощается до следующего раза, я говорю:

– Спасибо, доктор Форнам!

– Вот и хорошо! – хвалит она, будто я дрессированный пес.

На улице жарко и сухо, машины на парковке блестят на солнце, приходится прищуриться. Пока глаза не привыкли к яркому свету, люди, идущие навстречу, кажутся темными пятнами.

Я иду слишком быстро. Это понятно по тому, как сильно шлепают по асфальту ботинки, и еще по искаженным лицам встречных прохожих – мне кажется, они пугаются. Почему? Я иду мимо, не собираюсь в них врезаться. Надо замедлиться и включить музыку в голове.

Доктор Форнам говорит, что мне нужно научиться любить музыку, которая нравится другим. Я умею. Многие любят Баха и Шуберта, и не все они страдают аутизмом. В мире не существует столько аутистов, чтобы составить аудиторию для многочисленных опер и симфонических концертов. Однако для нее «другие» – значит «большинство». Я включаю «Форе-левый квинтет», и, по мере того как музыка заполняет меня, дыхание выравнивается, шаги замедляются в такт дыханию.

Теперь под правильную музыку ключ входит в замочную скважину легко. Сиденье теплое, и это приятно, мягкая шерсть успокаивает. Раньше я покрывал сиденье обычным флисом, но с одной из первых зарплат купил настоящую овечью шкуру. Перед тем как завести мотор, слегка подпрыгиваю в такт. Когда заводишь мотор, иногда трудно не прервать музыку в голове. Я стараюсь завести его в нужный момент.

По дороге на работу доверяюсь музыке, она легко пронесет меня сквозь перекрестки, светофоры и небольшие пробки прямо к въезду на территорию нашей компании – это называется кампус. Наш корпус справа; показав пропуск охраннику, паркуюсь на обычном месте. Люди из других корпусов часто жалуются, что вечно кто-то занимает любимое место, но у нас такого не бывает. Никто не займет мое место, и я не займу чужое. Дейл встает справа от меня, Линда – слева, Кэмерон – напротив.

Пока иду к зданию, в голове играет последний кусочек произведения – он мне больше всех нравится, – когда захожу в двери, музыка постепенно стихает. Дейл стоит у кофемашины. Он не здоровается, я тоже. Доктор Форнам хотела бы, чтобы я поздоровался, но я не вижу смысла. Дейл явно погружен в свои мысли, его не надо сейчас беспокоить. Я все еще злюсь на доктора Форнам, как обычно, раз в квартал, поэтому прохожу мимо рабочего кабинета в спортивный зал. Надо попрыгать. Это всегда помогает. В зале никого нет, поэтому я вешаю на дверь табличку и включаю подходящую для батута музыку погромче.

Когда я прыгаю, никто не заходит; мощный толчок и последующее зависание в воздухе делает меня пустым и легким. Постепенно мысли отпускают, я расслабляюсь, но прыгаю точно в такт музыке. Потом возвращается собранность, я уже с интересом думаю о текущей работе, тогда снижаю амплитуду до маленьких прыжочков и соскакиваю с батута.

Никто не заговаривает со мной, когда я иду к столу. Думаю, Линда уже на месте и Бейли тоже, но это неважно. Мы, вероятно, поужинаем вместе, но это потом. Сейчас я буду работать.

Символы, с которыми я работаю, большинству людей кажутся бессмысленными и непонятными. Трудно объяснить, в чем заключается моя задача, но это полезный труд, судя по тому, что я могу позволить себе машину, квартиру, спортивный зал и ежеквартальные визиты к доктору Форнам. По сути, я ищу закономерности. Некоторые закономерности имеют умные названия, и другим людям трудно их найти, но мне это всегда легко давалось. Нужно было лишь научиться описывать их другим, доносить свою мысль.

Надеваю наушники и выбираю музыку. Для текущего проекта Шуберт слишком плавный. Вот Бах подойдет – его сложный музыкальный рисунок похож на то, что я ищу. Сосредотачи-

ваюсь на работе – кажется, у меня в голове есть специальный отсек, который находит закономерности, а я просто наблюдаю: они складываются сами собой, как на гладкой поверхности воды образуются кристаллы льда, символы соединяются в линии, ветвятся, пересекаются... Остается лишь следить, чтобы узор был симметричным или асимметричным – в зависимости от задания. На этот раз рисунок более заиклен, чем обычно, и я представляю его как группы фрактальных наростов, образующие колючий шар.

Когда очертания начинают расплываться, я встряхиваю головой и откидываюсь на стуле. Прошло пять часов, а я и не заметил. Возбуждение, вызванное визитом к доктору Форнам, прошло, улеглось. Иногда после нее целый день не могу работать, однако на этот раз я восстановил равновесие с помощью прыжков на батуте. Над моим рабочим компьютером вертушка лениво крутится от сквозняка из вентиляции. Дую на вертушку, и через секунду (а если быть точным – через секунду и три десятых доли) она начинает вращаться быстрее, и ее сиренево-серебристые лопасти блестят, отражая свет. Я включаю настольный вентилятор, чтобы вертушки и металлические спирали одновременно пришли в движение, и комната наполняется мерцанием.

Световое представление только началось, а Бейли кричит с другого конца коридора:
– Кто хочет пиццу?

Я голоден. Живот урчит, и я отчетливо различаю все запахи в офисе: бумага, аппаратура, ковер, металл, пластик, пыль, чистящее средство... мой собственный запах. Выключаю вентилятор, бросаю последний взгляд на вращающуюся и переливающуюся красоту и выхожу в коридор. Достаточно мимолетного взгляда на лица друзей, чтобы понять, кто идет, а кто нет. Нам не нужно ничего обсуждать, мы друг друга знаем.

Мы обычно ходим есть пиццу примерно в это время. Линда, Бейли, Эрик, Дейл, Кэмерон и я. Чай тоже был готов идти, но столики рассчитаны на шестерых. Он понимает. Я тоже понял бы, если Чай и еще пятеро собрались бы раньше меня. Никто не хочет, чтобы нас посадили за другой стол, я уверен – Чай не пойдет и нам не придется тесниться, чтобы втиснуть седьмого человека. В прошлом году появился новый администратор, который этого не понимал. Все пытался посадить нас всех вместе и менял местами.

– Ну какая вам разница? – удивлялся он.

Мы ждали, когда он отвернется, и пересаживались обратно. У Дейла дергается глаз, Линду это нервирует, и она садится так, чтобы не видеть Дейла. Меня его тик забавляет, и мне нравится за ним наблюдать, поэтому я сажусь слева от Дейла – с этого ракурса он будто все время подмигивает.

В пиццерии нас знают. Посетители иногда подолгу разглядывают из-за нашей манеры двигаться и говорить – или же молчать, но официанты не закатывают глаза при нашем появлении, что часто случается в других местах. Линда просто тыкает пальцем в меню, а иногда записывает заказ на листочке, они не задают ей уточняющих вопросов.

Сегодня наш любимый столик не убран. Противно смотреть на пять грязных тарелок и блюда из-под пиццы; меня мутит от одной мысли о следах соуса и сыра, об остатках корочки – еще и нечетное число!.. Есть свободный стол справа, но он нам не нравится. Он на пути к уборной, и мимо ходит слишком много людей.

Мы ждем по возможности терпеливо, пока «Привет, я Сильвия!» (у нее так написано на бейджике, будто она товар, а не человек) не делает знак одному из официантов убрать наш столик. Она мне нравится, и я помню, что нужно обращаться к ней «Сильвия» без «привет-я», когда не смотрю на бейджик. Привет-я-Сильвия всегда улыбается и старается помочь; по четвергам работает Привет-я-Джин, и мы не приходим сюда в ее смену. Привет-я-Джин нас не любит и при виде нас ворчит себе под нос. Мы иногда посылаем одного человека забрать заказ, в прошлый раз пошел я, и Привет-я-Джин сказала одному из поваров, когда я отходил от стойки:

– Ну хоть без остальных психов подошел!

Она знала, что я услышу. Хотела, чтобы я услышал. Кроме нее, к нам все добры.

Сегодня дежурят Привет-я-Сильвия и Тири – тот убирает грязные тарелки, ножи и вилки, будто ему это вовсе не противно. Тири не носит бейджика, он просто уборщик. Мы знаем, что он Тири, потому что так его называют другие. В первый раз, когда я обратился к нему по имени, он удивился и немного испугался, но теперь он нас знает, хоть и не обращается по именам.

– Сейчас, минутку! – говорит он, мельком взглянув. – Как дела?

– Хорошо! – отвечает Кэмерон.

Он перекатывается с пятки на носок. Он всегда так делает, но сейчас немного быстрее обычного.

Я наблюдаю, как мерцает вывеска пивной за окном. Она зажигается в три этапа: сначала красные лампочки, затем зеленые, затем синие (они в центре), затем гаснет полностью. Раз – красный, два – зеленый, три – синий, потом красный-зеленый-синий гаснут, потом зажигаются, опять гаснут, и все начинается сначала. Последовательность простая, и цвета не очень красивые (красный, на мой вкус, слишком отдает оранжевым, зеленый тоже так себе, а вот синий хорош), но все же какая-то закономерность.

– Ваш столик готов! – сообщает Привет-я-Сильвия, и я стараюсь перевести взгляд с вывески на нее, не скривив лицо.

Мы рассаживаемся, каждый на свое место. Быстро заказываем – мы всегда берем одно и то же. Ждем еду, все молчат, каждый справляется с ожиданием как может. Благодаря визитам к доктору Форнам я больше, чем обычно, осознаю, как именно это происходит: Линда отстукивает пальцами на выпуклой части ложки некий сложный ритм – математикам он понравился бы не меньше, чем Линде. Я краем глаза смотрю на вывеску пивной, Дейл тоже. Кэмерон вертит в кармане пластмассовый игральный кубик незаметно – если не знаешь, не догадаешься, но я вижу ритмичные движения рукава. Бейли тоже смотрит на вывеску. Эрик достал разноцветную ручку и рисует миниатюрные геометрические фигурки на бумажной подложке. Красный, фиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый и снова красный. Ему нравится, когда еду приносят к концу последовательности.

На этот раз напитки подают, пока он рисует желтую фигурку, а еду – как раз на оранжевой. Лицо Эрика расслабляется.

Нам не положено говорить о работе за пределами кампуса. Мы почти закончили есть, однако Кэмерон все еще подпрыгивает на сиденье, потому что его переполняет желание рассказать о сложной задаче, которую он решил. За соседним столом никого нет.

– Пшш, – говорю я.

«Пшш» на нашем языке означает «рассказывай». Вообще-то у нас не должно быть собственного языка, и никто не думает, что мы на такое способны, но мы способны. У многих есть свой язык, однако они этого не осознают. Называют жаргоном или сленгом, но на самом деле это отдельный язык, он показывает, кто принадлежит к данной группе, а кто нет.

Кэмерон достает из кармана листок и разворачивает его. Нам нельзя выносить из офиса бумаги, чтобы они не попали в чужие руки, но мы выносим. Когда тяжело говорить, легче написать или нарисовать.

Я узнаю кудрявых стражников, которых Кэмерон всегда пририсовывает по углам. Он любит аниме. Закономерности, которые он установил с помощью частично рекурсивной функции, тоже характерны – его решения отличаются стройностью и элегантностью. Мы смотрим и киваем.

– Красиво, – говорит Линда.

Она слегка всплескивает руками; будь мы в кампусе, она бешено хлопала бы ими по бокам, но сейчас сдерживается.

– Да, – отвечает Кэмерон и сворачивает листок.

Я знаю, что доктор Форнам осталась бы недовольна диалогом. Заставила бы Кэмерона пояснить чертеж, хотя мы все его понимаем. Заставила бы нас задавать вопросы, комментировать, обсуждать. Обсуждать нечего: всем понятен смысл задачи и то, что решение Кэмерона хорошо во всех отношениях. Остальное – пустая болтовня. В своем кругу нам не нужно этого делать.

– Интересно, какова скорость тьмы? – говорю я, опустив глаза.

Когда заговариваешь, все смотрят на тебя – это недолго, но все равно неприятно.

– У нее нет скорости, – отвечает Эрик. – Это просто пространство без света.

– Как бы мы ели пиццу в мире, где несколько центров притяжения? – спрашивает Линда.

– Не знаю, – говорит Дейл – голос у него встревоженный.

– А какова скорость незнания? – говорит Линда.

Я размышляю секунду, потом понимаю, к чему она клонит.

– Незнание быстрее, чем знание, – говорю я.

Линда улыбается и кивает.

– Значит, скорость тьмы больше скорости света. Если тьма всегда окружает свет, она должна его опережать.

– Я хочу домой! – говорит Эрик.

Доктор Форнам велела бы спросить, не случилось ли чего. Я знаю, что ничего не случилось: он хочет уйти сейчас, чтобы успеть к любимой телепередаче. Мы прощаемся, потому что находимся в обществе, а в обществе положено прощаться. Я возвращаюсь в кампус. Хочу еще немного посмотреть на вертушки и спирали, перед тем как ехать домой.

Мы с Кэмероном в спортивном зале, разговариваем урывками, прыгая на батутах. Мы оба хорошо поработали в последние дни и сейчас расслабляемся.

Заходит Джо Ли, я смотрю на Кэмерона. Джо Ли всего двадцать четыре года. Он был бы таким же, как мы, но в его время аутизм уже научились лечить в раннем детстве. Он считает себя одним из нас, потому что знает, что мог бы быть, и обладает некоторыми чертами. Например, хорошо разбирается в абстракциях и рекурсиях. Любит те же игры, любит наш зал. Но он гораздо лучше нас – в пределах нормы, считывает чувства и выражения лиц. То есть чувства и выражения лиц нормальных людей. С нами у него не получается.

– Привет, Лу! – говорит он мне. – Привет, Кэм!

Кэмерон напрягается. Он не любит, когда его имя сокращают. Он мне сказал, что чувствует, будто ему ноги укорачивают. Джо Ли он тоже это сказал, но Джо Ли забывает, потому что слишком много времени проводит с нормальными.

– Какпжвааете? – спрашивает он, комкая слова и забыв повернуться к нам лицом, чтобы мы видели губы.

Я понимаю его, потому что мои навыки аудирования лучше, чем у Кэмерона, и я уже знаю, что Джо Ли часто комкает слова.

– Как поживаете? – произношу я отчетливо для Кэмерона. – Хорошо, Джо Ли.

Кэмерон выдыхает.

– Слышлиновость? – спрашивает Джо Ли и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Аутизм научатся лечить! Есть один метод, он, кажется, сработал на крысах, сейчас пробуют на приматах. Держу пари, скоро вы будете нормальными, как я!

Джо Ли всегда утверждал, что он один из нас, но теперь понятно, что никогда в это не верил. «Нормально» – это «как он», а «мы» не такие. А говорил, что один из нас, просто ему повезло чуть больше. Наверное, хотел угодить...

Кэмерон смотрит свирепо; я почти физически ощущаю, как комок слов застрял у него в горле. Я не буду говорить за него. Я всегда говорю только за себя, как должен поступать каждый.

– Значит, ты признаешь, что ты не как мы, – произношу я, и Джо Ли выпрямляется, на его лице появляется выражение, которое меня учили распознавать как «обиду».

– Как тебе не стыдно! Просто изобрели способ...

– Если дать глухому ребенку слух, он перестанет быть глухим! – продолжаю я. – Если он начал слышать рано, то никогда глухим не был. Просто притворился.

– Что значит притворился? Кто притворился?

Вид у Джо Ли обиженный, а кроме того, озадаченный. Я, должно быть, забыл сделать паузы в речи в местах, где мы ставим запятые в письме. Его озадаченность меня тревожит, я всегда тревожусь, когда меня не понимают – так было все детство. Слова путаются в голове, застревают в горле, их трудно высказать в правильном порядке и с правильной интонацией. Почему недостаточно просто облечь мысль в слова? Нет, нужно еще умудриться выбрать нужный тон, скорость, громкость и интонацию.

Мой голос становится напряженным и механическим. Мне кажется, я говорю сердито, хотя я больше напуган, чем сержусь.

– Тебя вылечили еще до рождения, Джо Ли, – говорю я. – Ты не жил, ни одного дня не жил, как мы.

– Неправда! – быстро возражает он, перебивая. – Внутри я такой же!

– Нет, ты просто отличаешься от тех, кого называешь нормальными! – перебиваю я в свою очередь. Перебивать больно. Мисс Финли, которая учила меня общаться, стучала по руке, если я перебивал. Но хуже слышать его вранье.

– Ты способен слышать и понимать речь – ты научился нормально разговаривать. Тебя не слепит свет.

– Да, но мой мозг работает так же, как у вас!

Я мотаю головой. Джо Ли пора бы запомнить, мы ему много раз повторяли. Наши проблемы со слухом и зрением связаны не с самими органами чувств, а с работой мозга. Наш мозг работает иначе, чем у тех, у кого нет таких проблем. Будь мы компьютерами, у Джо Ли был бы совсем другой процессор и набор команд. Даже компьютеры с одинаковым программным обеспечением будут работать по-разному, если у них разные интегральные микросхемы.

– Я делаю ту же работу, что и вы!

Неправда. Он думает, что делает ту же работу. Кажется, наша компания с ним согласна: они наняли еще несколько Джо Ли, а таких, как мы, больше не нанимают, хотя аутистам найти работу непросто. Решения Джо Ли заурядны. Иногда эффективны, а иногда... Я хочу высказаться, но это сложно, потому что он выглядит сердитым и расстроенным.

– Ну ладно... – говорит он. – Может, вы с Кэмом поужинаете со мной? Я угощаю!

Внутри холодеет. Не хочу ужинать с Джо Ли.

– Не могу! – выпаливает Кэмерон. – Свидание!

Полагаю, что свидание у него с партнером по шахматам из Японии. Джо Ли поворачивается ко мне.

– Извини, – говорю я (надо извиниться, если отказываешься). – У меня встреча.

По спине течет пот; надеюсь, Джо Ли не спросит, что за встреча. Я и так прекрасно знаю, что до встречи успел бы поужинать с Джо Ли, а если еще придется врать про встречу, я буду переживать несколько дней.

Джин Крэншоу сидел в большом кресле во главе стола, Пит Алдрин и остальные – на обычных стульях по одну сторону. «Типичный Крэншоу! – подумал Алдрин. – Специально всех созывает, чтобы поважничать в кресле начальника». Третья встреча за четыре дня – столько времени потрачено впустую, у Алдрина уже накопилась куча работы. Как и у всех остальных.

Тема сегодняшнего собрания – сотрудники, которые создают «неблагоприятную атмосферу на рабочем месте», что означает: каким-то образом оспаривают авторитет Крэншоу. Эти люди должны немедленно «проникнуться общей концепцией», то есть концепцией Крэншоу, и целиком и полностью сосредоточиться на ней. Все, что не вписывалось, встречалось настроенно, а чаще сразу объявлялось неправильным. Концепция не предусматривала демократии. Это бизнес, а не организация домашней вечеринки, как любил говорить Крэншоу. Сегодня неправильным был объявлен отдел, которым руководил Алдрин (в компании его называли отдел «А»).

Алдрину стало дурно, до горького привкуса во рту. У отдела «А» была замечательная производительность, их постоянно хвалили. Что Крэншоу к ним прицепился?

Алдрин вскочил было на ноги, но заговорила Мадж Демонт.

– Знаете, Джин, мы всегда работали как единое целое. А вы пришли и не принимаете в расчет наши устоявшиеся и приводящие к успеху методы совместной работы.

– Я по природе лидер! – ответил Крэншоу. – Это мой тип личности – я не гожусь для члена экипажа, я капитан.

– Умение работать в команде важно для всех, – возразил Алдрин. – Лидеры тоже должны уметь сотрудничать.

– Это не мой конек, – ответил Крэншоу. – Мой дар – вдохновлять и быть сильным руководителем.

«Его дар, – подумал Алдрин, – командовать, не заслужив на это право!»

Однако кандидатура Крэншоу была настоятельно рекомендована высшим руководством. Скорее уволят их всех, чем сменят его.

– Люди с негативным настроением, – продолжил Крэншоу, – должны сознавать, что компания на них не держится. Нужно вливаться и делать то, для чего их наняли.

– А если кто-то из них тоже лидер по натуре? – спросил Алдрин.

Крэншоу фыркнул.

– Лидер? Среди аутистов? Смеетесь? Они на это не способны, они вообще не понимают, как устроено общество.

– У нас в контракте прописано! – поспешил выдвинуть аргумент Алдрин, пока гнев не лишил его способности связно выражаться. – По контракту мы обязаны создать им подходящие условия работы.

– Что мы и делаем! Разве нет? – Крэншоу чуть не трясся от возмущения. – Причем за большие деньги! Собственный спортивный зал, музыкальный центр, парковка и прочие радости жизни!

У высшего руководства тоже есть свой зал, музыкальный центр, парковка и еще ряд «радостей», например акции по льготной цене. Если это сказать, будет только хуже.

Крэншоу продолжил:

– Уверен, что и другие добросовестные сотрудники с удовольствием поиграли бы в песочнице, но они заняты делом.

– Как и отдел «А»! – сказал Алдрин. – Их показатели производительности...

– ...приемлемые, согласен. Однако если сотрудники не тратили бы рабочее время на игры, показатели были бы гораздо выше.

У Алдрина на лбу выступила испарина.

– Джин, их продуктивность не просто приемлемая! Она выдающаяся! Выше, чем в любом другом отделе. Может, стоит обеспечить такой же поддержкой все остальные отделы?..

– И свести прибыль к нулю? Держатели акций были бы в восторге! Пит, вы горой за своих – это похвально, но именно поэтому вы не стали вице-президентом и не повыситесь в должности, пока не научитесь смотреть шире, видеть общую картину. Компания развивается,

и ей нужны нормальные продуктивные работники – люди, не нуждающиеся в излишествах. Мы избавляемся от жировой прослойки – пусть остается прочный и эффективный механизм...

«Старая песня», – подумал Алдрин. Примерно с теми же аргументами он столкнулся, выбивая для отдела «А» все эти «излишества», которые так повысили производительность. Когда возросла прибыль, руководители старшего звена изящно признали свою неправоту – так Алдрину показалось. И вот напустили на него Крэншоу. Они знают о его инициативе? Могут ли они не знать?

– Я знаю, что ваш старший брат страдает аутизмом, – еле слышно произнес Крэншоу. – Сочувствую вашему горю, однако поймите: это реальный мир, а не детский сад. Нельзя принимать корпоративные решения, руководствуясь интересами вашей семьи.

Алдрину захотелось разбить графин с водой о голову Крэншоу – чтобы кубики льда и осколки полетели во все стороны. Он сдержался. Крэншоу бесполезно убеждать, что его вовлеченность в жизнь отдела «А» объясняется далеко не только наличием брата-аутиста. Напротив, он чуть не отказался от работы, потому что Джереми сильно омрачал его детство: неожиданные приступы ярости и насмешки других детей по поводу «отсталого» брата. Джереми ему порядком надоел; уехав из дома, он поклялся, что отныне будет жить среди безопасных, здоровых, нормальных людей, а про брата постарается никогда не вспоминать.

И вот теперь Алдрин встал на защиту сотрудников отдела «А» отчасти потому, что они сильно отличались от Джереми (тот до сих пор жил в интернате, проводил дни в центре дневного ухода для взрослых и почти не мог сам о себе позаботиться). Однако что-то общее между ними все же было, и Алдрин с трудом сдерживал неприязнь. Так или иначе, работая с ними, он чуть меньше чувствовал вину за то, что навещает родителей и Джереми не чаще чем раз в году.

– Вы ошибаетесь, – возразил он Крэншоу. – Если вы лишите отдел «А» необходимой поддержки, производительность компании снизится, и вы не покроете этих убытков. Нам необходимы их уникальные способности; поисковые алгоритмы и методы анализа данных, разработанные ими, позволяют перейти от исходной информации к производству в кратчайший срок, что и дает нам преимущество перед конкурентами.

– Я так не думаю. Обеспечивать производительность их отдела – ваша задача, Алдрин. Надеюсь, вы справитесь.

Алдрин проглотил гнев. Крэншоу самодовольно ухмылялся: ему нравилось пользоваться властью и заставлять других подчиняться. Алдрин посмотрел по сторонам: коллеги старательно избегали его взгляда, чтобы не попасть в немилость вместе с ним.

– Кроме того, – продолжил Крэншоу, – в одной европейской лаборатории провели исследование. Через день-два о нем напишут в Сети. Результаты многообещающие, хотя и требуют подтверждения. Возможно, надо предложить им записаться.

– На экспериментальное лечение?

– Да. Я мало про это знаю, но у меня есть знакомый, который разбирается. Он в курсе, что я взял на работу аутистов. Посоветовал не пропустить, когда начнут испытывать на людях. Говорят, лечение восполнит основную недостаточность и сделает их нормальными. Будь они нормальными, не было бы повода покупать им эту роскошь.

– Будь они нормальными, они не справились бы с работой, – возразил Алдрин.

– И в том и в другом случае нам не пришлось бы больше тратиться на это... – Крэншоу неопределенно махнул рукой, как бы охватывая все: от зала до индивидуальных закрывающихся кабинок для отдыха. – Или они смогут выполнять свою работу, подвергая компанию меньшим тратам, или перестанут быть нашими служащими.

– В чем заключается лечение? – спросил Алдрин.

– О, это сочетание нейроусилителей и нанотехнологий. Предположительно выращивает нужные части мозга.

Крэншоу недобро улыбнулся.

– Вот вы этим и займетесь, Пит! Разузнайте про новый метод поподробней и пришлите мне отчет. Если он эффективен, попробуем раздобыть на него лицензию...

Алдрин хотел было гневно уставить на начальника, но знал, что это не поможет. Крэншоу его подставил – теперь, если эта история обернется неприятностями, сотрудники отдела «А» будут винить его.

– Вы же понимаете, что к лечению нельзя принуждать, – сказал он, чувствуя, как стекает по спине пот. – У них тоже есть гражданские права.

– Неужели кто-то откажется от шанса стать нормальным? – произнес Крэншоу. – Если такие найдутся, им нужно обратиться к психиатру. Предпочесть болезнь...

– Они не больны! – воскликнул Алдрин.

– Больны и ущербны. Если предпочтут работать в особых условиях, а не вылечиться. Это явное психическое отклонение. Стоит серьезно задуматься, не прекратить ли сотрудничество; многие другие отделы с радостью взяли бы за эту работу – такие интересные задачи!..

Алдрин вновь с трудом поборол желание огреть Крэншоу по голове чем-нибудь тяжелым.

– А если лечение поможет и вашему брату тоже... – продолжил тот.

Это было уже слишком.

– Пожалуйста, не вмешивайте брата! – процедил Алдрин сквозь зубы.

– Ладно-ладно! Я не хотел вас расстраивать. – Крэншоу улыбнулся еще шире. – Просто подумал, что это могло бы помочь...

Небрежно махнув рукой, он отвернулся, оставив Алдрин молча рисовать в голове способности убийства, и обратился к следующей жертве:

– Так, Дженифер, по поводу сроков: вы в них категорически не укладываетесь.

Что Алдрин мог сделать? Ничего. Что тут поделаешь?.. Люди, как Крэншоу, всегда выбиваются в начальники. Видимо, иначе никак.

Если действительно существует лечение (во что он не верил), поможет ли оно брату? Алдрин возненавидел Крэншоу за то, что тот вновь раздражил его заманчивой перспективой. Он уже принял Джереми таким, как есть, проработал неприязнь и вину. Что будет, если Джереми изменится?

II

Мистер Крэншоу – новый управляющий. Наш начальник, мистер Алдрин, приводил его на экскурсию в первый день. Он мне не очень понравился – мистер Крэншоу, – у него был тот же притворно ласковый тон, что у учителя физкультуры, который преподавал у мальчиков в средней школе, а хотел быть тренером университетской сборной по футболу. Мы должны были называть его «тренер Джерри». Он считал класс с особыми потребностями тупым, и мы все его ненавидели. К мистеру Крэншоу я ненависти не испытываю, но и симпатии тоже.

По дороге на работу стою на светофоре на пересечении улицы с автострадой. Передо мной темно-синий мини-фургон, номерной знак не наш – штат Джорджия. В заднем окне плюшевый медведь на присосках. Медведь глупо улыбается. Хорошо, что он не настоящий; ужасно, когда на заднем сиденье собака, – они всегда смотрят на меня. Потом начинают лаять.

Загорается зеленый, и мини-фургон срывается с места. Не успеваю я подумать: «Нет, стой!», как две машины с противоположной стороны проскакивают на красный – бежевый пикап с коричневой полосой и оранжевым переносным холодильником в кузове и коричневый седан; пикап въезжает мини-фургону в бок. Ужасающий шум: крики, грохот, скрежет, хруст – все сразу. Пикап и фургон кружат вместе, и от них дугой разлетаются осколки стекла... Я хочу раствориться, наблюдая, как эти гигантские формы, вращаясь, надвигаются на меня. Закрываю глаза.

Постепенно шум стихает. Лишь гудят сзади стоящие, которые не знают причины остановки. Открываю глаза. На светофоре зеленый. Люди выходят из машин, водители разбитых автомобилей шевелятся, разговаривают.

В правилах дорожного движения сказано, что все участники происшествия должны оставаться на месте. В правилах сказано: остановиться и оказать помощь пострадавшим. Однако я не участник, до моей машины долетело лишь несколько осколков. Кругом полно людей, чтобы оказать помощь. Я не учился оказывать помощь.

Осторожно оглянувшись, медленно и аккуратно проезжаю мимо столкнувшихся машин. На меня смотрят сердито. Но я ничего плохого не сделал. Я не был участником происшествия. Если бы я остался, то опоздал бы. Мне пришлось бы разговаривать с полицейскими. Я боюсь полицейских.

Меня еще трясет, когда я приезжаю на работу, поэтому сначала иду не в кабинет, а в зал. Ставлю «Польку и фугу» из «Волынщика Шванда», потому что мне необходимы высокие прыжки и большие махи руками. Попрыгав, немного успокаиваюсь, и тут в зал заглядывает мистер Крэншоу, лицо у него странное – блестящее и красноватое.

– Ну что, Лу, – начинает он. Тон неискренний, как будто он пытается говорить весело, а сам очень сердит. Тренер Джерри разговаривал так же. – Вам очень нравится зал, правда?

Длинный ответ всегда интересней короткого. Я знаю, что большинство предпочитает короткие неинтересные ответы длинным интересным, и стараюсь всегда держать это в голове, когда задают вопрос, на который я мог бы дать длинный ответ. Мистер Крэншоу просто хочет знать, нравится ли мне зал. Ему неинтересно насколько.

– Очень, – говорю.

– Может быть, вам еще что-то нужно?

– Нет.

Мне много чего нужно, например еда, вода, кровать, но он имеет в виду – нужно ли что-нибудь добавить в зал, чтобы он лучше отвечал своим функциям.

– Вам нужна эта музыка?

«Эта музыка». Лора научила меня, что слова «эта» или «этот» подчеркивают отношение говорящего к предмету. Я пытаюсь определить отношение мистера Крэншоу к музыке, а он продолжает, как часто делают, не дождавшись ответа.

– Столько мороки с дисками, – говорит он. – Поди отыщи нужный. Они еще и портятся... Было бы гораздо проще просто слушать радио.

По радио передают грохот или завывания, которые называются пением, а не музыку. А еще реклама каждые несколько минут – она еще громче. Там нет ритма, под который я смог бы расслабиться.

– Радио не подходит, – говорю я. Получилось слишком резко – я понимаю по его напряженному лицу. Надо сказать больше, не короткий ответ, а длинный. – Я пропускаю музыку через себя. Надо, чтобы музыка была правильная, другая не подействует, и нужна именно музыка – не разговоры и не пение. Мы все так устроены. Нам нужна своя музыка, которая подходит именно нам.

– Было бы чудесно, – говорит мистер Крэншоу, и в его голосе более явственно слышится гнев, – если все могли бы слушать любимую музыку, но большинство из нас (он имеет в виду настоящих, нормальных людей) слушает, что придется.

– Понимаю, – говорю я.

На самом деле я не понимаю. Любой может принести плеер и слушать свою музыку в наушниках, как делаем мы во время работы.

– Я понимаю, но нам, то есть ненастоящим и ненормальным, необходима определенная музыка.

Теперь ясно, что он зол: на скулах играют желваки, лицо еще больше покраснело, на лбу выступил пот. Плечи напряглись – даже рубашка на груди натянулась.

– Что ж, ладно! – говорит он.

По форме это согласие, но он не согласился. Он хочет сказать, что, будь его воля, он забрал бы у нас диски, но пока не может. Интересно, обладает ли подписанный нами контракт достаточной силой, или мистер Крэншоу вправе нарушать его условия? Надо спросить мистера Алдрина.

Приходится прыгать еще минут пятнадцать, чтобы успокоиться и пойти в кабинет. Я взмок. От меня плохо пахнет. Беру запасную одежду и иду в душ. Когда я наконец сажусь работать, с начала рабочего дня уже прошел один час сорок семь минут; я сегодня задержусь, чтобы возместить упущенное время.

Мистер Крэншоу заходит еще раз под конец дня, я еще работаю. Открывает дверь моего кабинета без стука. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я заметил его присутствие, но уверен, что он не постучался.

– Лу! – окликает он, и я оборачиваюсь, подпрыгнув от неожиданности. – Что делаете?

– Работаю, – отвечаю я.

А что еще я могу делать в кабинете за компьютером?

– Можно взглянуть? – говорит он, приближаясь.

Становится за спиной. Я чувствую, как напрягается каждый нерв, я словно весь ошети-ниваюсь. Ужасно, когда стоят за спиной.

– Что это? – Он указывает на ряд символов, отделенных от общей массы пустой строкой сверху и снизу.

Я весь день возился с этим рядом, пытаюсь заставить его выполнять мои команды.

– Связь между этим... – я указываю на символы сверху, – и этим, – указываю на символы снизу.

– А зачем это? – спрашивает он.

Действительно не знает? Или проводит образовательную беседу – это когда учитель задает вопросы, ответы на которые ему известны, чтобы проверить знания ученика. Если

мистер Крэншоу действительно не знает, то я не объясню... Если знает, то рассердится, что я подумал, что он не знает.

Было бы гораздо проще, если люди говорили бы то, что думают.

– Получается система третьего уровня для синтеза, – говорю я.

Я выбираю короткий ответ, но он правильный.

– А, понятно... – говорит мистер Крэншоу.

В голосе ухмылка. Думает, я вру? Я вижу размытое и искаженное отражение его лица в блестящем шаре на моем столе. Трудно понять выражение.

– Система третьего уровня войдет в код готового приложения, – говорю я, стараясь сохранять спокойствие. – Благодаря этому конечный пользователь сможет задавать выходные параметры без риска что-либо сломать.

– Значит, вы все понимаете?

Что «все»? Я понимаю, что делаю. Но не всегда понимаю зачем. Я решаю дать короткий ответ.

– Понимаю, – говорю я.

– Хорошо, – отвечает он так же фальшиво, как утром. – Вы сегодня поздно приступили к работе.

– Я задержусь, – говорю я. – Я опоздал на один час сорок семь минут. Работал во время обеденного перерыва – минус тридцать минут. Задержусь еще на час семнадцать минут.

– А вы честный, – замечает мистер Крэншоу с явным удивлением.

– Честный, – подтверждаю я.

Я не оборачиваюсь. Не хочу видеть его лицо. Он стоит еще семь секунд, потом направляется к двери. Уже у выхода бросает свое последнее слово:

– Так не может продолжаться, Лу. Грядут перемены.

Семь слов. Семь слов, от которых меня бросает в дрожь.

Дверь закрывается, я включаю вентилятор, кружатся лопасти, кабинет наполняется мерцанием. Я работаю еще час и семнадцать минут. Сегодня мне не хочется задерживаться дольше. Сегодня среда, и у меня есть дела.

На улице тепло, немного влажно. Домой еду очень осторожно. Дома передеваюсь в футболку и шорты и съедаю кусок холодной пиццы.

Одна из тем, которые я никогда не обсуждаю с доктором Форнам, – моя сексуальная жизнь. Она думает, что сексуальной жизни у меня нет, поскольку, когда она спрашивает, есть ли у меня девушка или парень, я просто отвечаю «нет». Больше ни о чем она не спрашивает. И хорошо, потому что я не хочу это с ней обсуждать. Она не кажется мне привлекательной, а родители меня учили, что о сексе нужно разговаривать только с партнером – чтобы выяснить, как доставить ему удовольствие или объяснить, как доставить удовольствие тебе. Или с доктором – если что-то не в порядке.

У меня никогда не было нарушений. То есть некоторые нарушения были изначально, но другого характера. Доедая пиццу, думаю о Марджори. Она не моя сексуальная партнерша, но я хотел бы, чтобы она была моей девушкой. Я познакомился с Марджори на фехтовании, а не на специальном мероприятии для людей с ограниченными возможностями, которые советует посещать доктор Форнам. Я не рассказываю доктору Форнам о фехтовании, потому что она сочтет это склонностью к агрессии. Если даже лазертаг вызвал у нее беспокойство, то длинные острые шпаги точно приведут ее в ужас. Я не рассказываю доктору Форнам о Марджори, потому что она будет задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Получается, у меня два больших секрета – шпаги и Марджори.

Поев, еду на тренировку по фехтованию к Тому и Люсии. Там будет Марджори. Когда я думаю о Марджори, мне хочется закрыть глаза, но за рулем это небезопасно. Вместо этого я включаю в голове музыку – хорал Баха, кантата № 39.

У Тома с Люсией большой дом и огороженный задний дворик. У них нет детей, хотя они старше, чем я. Поначалу я думал, что Люсия просто очень любит работать и не хочет засесть дома с детьми, но услышал, как она говорила, что у них с Томом не может быть детей. У них много друзей, на тренировку обычно приходит человек восемь или девять. Не знаю, рассказывает ли Люсия в больнице, что она фехтует, и приглашает ли своих пациентов учиться. Думаю, ее не одобрили бы. Но я не единственный, кто состоит на учете у психиатра и ходит к Тому и Люсии фехтовать на шпагах. Однажды я спросил у нее, а она рассмеялась и ответила:

– Нет, им лучше не знать, а то испугаются!

Я фехтую уже пять лет. Я помогал Тому укладывать новое покрытие – таким устилают теннисные корты. Помогал мастерить подставку для клинков в задней комнате. Я не хочу хранить клинки в машине или в квартире, потому что знаю – это испугает людей. Том меня предупредил. Важно, чтобы люди тебя не боялись. Поэтому я храню фехтовальное снаряжение у Тома и Люсии, и все знают, что третий слева отсек – мой, как и третий слева крючок на противоположной стене, и моя маска занимает определенную полку на стеллаже.

Сначала я растягиваюсь. Я не пренебрегаю растяжкой; Люсия всем ставит меня в пример. Дон, например, редко выполняет все упражнения и часто срывает спину или тянет мышцы. Потом сидит в стороне и жалуется. Я фехтую хуже его, но не получаю лишних травм, потому что соблюдаю правила. Жалко, что он не соблюдает правила: неприятно, когда твоему другу больно.

Размяв руки, плечи, спину, ноги и ступни, иду в раздевалку и надеваю кожаную куртку с обрезанными по локоть рукавами и стальной нагрудник. Чувствую его приятную тяжесть. Беру с полки маску, в которой лежат сложенные перчатки. Перчатки пока кладу в карман. Шпага и папира в подставке; держу маску под мышкой, я аккуратно их достаю.

Заходит Дон – как обычно, потный, запыхавшийся и красный.

– Привет, Лу! – говорит он.

Я тоже говорю «привет» и отхожу от подставки, чтобы он мог взять свой клинок. Дон нормальный, он мог бы возить шпагу в машине, и никто бы его не боялся, но он часто ее забывал. Ему приходилось занимать оружие у других, и Том предложил хранить снаряжение здесь.

Выхожу во двор. Марджори еще нет. Синди и Люсия в стойке – направляют друг на друга шпаги. Макс надевает стальной шлем. Стальной шлем мне не по душе: если по нему стукнуть, будет слишком громко. Когда я сказал об этом Макс, он рассмеялся и посоветовал затычки для ушей. Ненавижу затычки для ушей. От них ощущение, что сильно простыл. Странно, потому что повязку для глаз я люблю. Я часто носил ее раньше, притворяясь слепым. Таким образом я лучше слышал голоса. А вот когда затыкаешь уши, зрение лучше не становится.

Уверенной походкой выходит Дон со шпагой под мышкой, застегивая стильный кожаный камзол. Мне иногда хочется такой же, но мне больше подходят простые вещи.

– Ты размялся? – спрашивает Люсия.

Дон пожимает плечами.

– Вполне!

Она тоже пожимает плечами.

– Твое дело!

Люсия с Синди начинают фехтовать. Мне нравится наблюдать за ними, анализировать их шаги. Они очень быстрые, трудно уследить – нормальному человеку тоже было бы трудно.

– Привет, Лу! – произносит Марджори за спиной. Внутри теплеет, я становлюсь легче, будто сила земного притяжения вдруг уменьшается. На секунду зажимаюсь. Марджори красивая, но смотреть на нее нелегко.

– Привет, Марджори, – отвечаю я оборачиваясь.

Она улыбается. Лицо ее сияет. Раньше меня тревожило, когда у людей от радости светились лица, потому что от злости они тоже светятся, и мне трудно отличить одно от другого. Родители пытались объяснить разницу – через положение бровей и другие признаки, но я в конце концов понял, что нужно судить по внешним углам глаз. У Марджори лицо светится от радости. Она рада меня видеть, а я рад видеть ее.

Однако меня многое тревожит, когда я думаю о Марджори. Что, если аутизм заразен? Вдруг она от меня заразится? Ей это не понравится... Да, аутизм не должен быть заразным, но говорят, что если долго общаешься с группой людей, начинаешь думать, как они. Если она будет общаться со мной, начнет она думать, как я? Я бы не хотел, чтобы так получилось. Будь она, как я, с рождения – это ничего, но чтобы такая, как она, вдруг стала такой, как я, – это неправильно. Такое вряд ли возможно, но случись у нее аутизм, я чувствовал бы себя виноватым. Иногда, подумав об этом, я стараюсь держаться от Марджори подальше, но чаще всего желание быть рядом с ней пересиливает.

– Привет, Мардж! – говорит Дон.

Он покраснел. Дон тоже считает Марджори красивой. Чувство, которое я испытываю, называется ревность; я прочел в книге. Это плохое чувство, нельзя присваивать себе другого человека. Я отступаю на шаг, чтобы не присваивать Марджори, а Дон выходит вперед. Марджори смотрит на меня, а не на Дона.

– Будешь драться? – говорит Дон, толкая меня локтем.

Он так спрашивает, хочу ли я с ним фехтовать. Я сначала не понимал. Сейчас понимаю. Я молча киваю, и мы ищем место для поединка.

Дон крутит запястьем, он всегда так делает перед выпадом, я автоматически считаю круги. Мы движемся по кругу, атакуем и парируем. Он вдруг опускает руку. Это хитрость? Нет, он открылся, я делаю выпад и колю его в грудь.

– Подловил! У меня рука болит...

– Извини, – говорю я.

Он будто бы разминает плечо, а потом неожиданно бросается вперед. Дон и раньше так делал, я быстро отскакиваю, и он меня не достает. Я колю Дона еще три раза, он тяжело вздыхает и говорит, что устал. Я не возражаю, я с удовольствием поговорю с Марджори. Макс с Томом заняли наше с Доном место. Люсия отдыхает. Синди фехтует с Сюзан.

Марджори сидит рядом с Люсией, Люсия показывает ей фотографии. Фотография – одно из увлечений Люсии. Я снимаю маску и смотрю на них. У Марджори лицо шире, чем у Люсии. Дон вклинивается между мной и Марджори и что-то спрашивает.

– Ты нас перебил, – говорит Люсия.

– Извиняюсь, – отвечает Дон, но не отходит, загораживая мне обзор.

– Ты влез в середину, – продолжает Люсия. – Отойди, пожалуйста, не мешай другим.

Она бросает взгляд на меня. Я все делаю правильно, иначе она сказала бы. Из всех нормальных людей, которых я знаю, Люсия лучше всех умеет четко сказать, чего хочет.

Дон оглядывается, фыркнув, отходит.

– Я не заметил Лу, – говорит он.

– Зря, – говорит Люсия и вновь обращается к Марджори: – Здесь мы останавливались в четвертую ночь. Я фотографировала из номера, как тебе вид?

– Чудесно!

Мне не видно фотографию, на которую смотрит Марджори, но видно ее счастливое лицо. Я смотрю на Марджори, не слушая, как Люсия рассказывает об остальных снимках. Дон время

от времени вставляет комментарий. Они досматривают фотографии, Люсия убирает камеру в чехол и кладет под стул.

– Ну что, Дон, – говорит она, – посмотрим, как ты сразишься со мной!

Она вновь надевает перчатки и маску, берет шпагу. Дон, пожав плечами, следует за ней на свободное место.

– Садись! – говорит Марджори.

Я сажусь на стул, где только что сидела Люсия, он еще теплый.

– Как сегодня день прошел? – спрашивает Марджори.

– Я почти попал в аварию, – говорю я.

Она не задает вопросов, просто слушает. Мне неловко рассказывать подробности, теперь кажется, что все же нельзя было просто так уехать, но я боялся опоздать на работу и встретиться с полицейскими.

– Страшно, наверное! – говорит она.

Голос теплый, успокаивающий. Но не как у врачей – просто его приятно слышать.

Я хочу рассказать о мистере Крэншоу, но к нам подходит Том и спрашивает, не хочу ли я с ним пофехтовать. Я люблю фехтовать с Томом. Он почти моего роста и, хоть и старше меня, в очень хорошей форме. Он лучший из нас.

– Я видел твой поединок с Доном, – говорит Том. – Ты хорошо справляешься с его уловками. Но он не растет, считай, забросил тренировки, так что старайся драться с противниками посильней – со мной, Люсией, Синди или Максом. Хотя бы с двумя за вечер, ладно?

«Хотя бы» означает «не меньше чем с двумя».

– Хорошо, – говорю я.

У нас по два длинных клинка: шпага и рапира. Поначалу, когда я дрался с двумя клинками, они бились друг о друга. Потом я попытался держать их параллельно. Таким образом они не перекрещивались, но Том легко отводил их в сторону. Сейчас я научился держать клинки под разным углом и на разном уровне.

Мы кружим сначала в одном направлении, потом в другом. Я стараюсь помнить все, чему учил Том: как ставить ноги, как держать клинки, как отражать разные удары. Он делает выпад, я поднимаю оружие в левой руке, чтобы парировать удар, одновременно нападаю сам, Том защищается. Совсем как танец. Шаг-шаг-выпад-блок-шаг. Том говорит, что нужно менять тактику, быть непредсказуемым, но последний раз, когда я наблюдал за ним со стороны, я заметил, что перемены в его тактике тоже цикличны. Если продержусь достаточно долго, он вернется к началу.

Я вдруг слышу величественную музыку – танец из «Ромео и Джульетты» Прокофьева. Музыка звучит в голове, и я двигаюсь в ее ритме, замедляя движения. Том замедляется вслед за мной. Теперь мне ясна закономерность – последовательность длинная, но ходы Тома не спонтанны. Я иду по его цепочке под свою музыку, следую за ним, парирую удары, ищу слабые места в защите. В какой-то момент я знаю, что он будет делать дальше, моя рука сама собой замахивается, и я колю в голову сбоку. Касание отдается в кисти и руке.

– Попал! – говорит Том. Музыка прекращается. – Ничего себе! – восклицает Том, тряся головой.

– Я слишком сильно ударил, извини! – говорю я.

– Нет-нет, нормально. Хороший, чистый удар, ловко обошел защиту! Я даже близко не смог бы отразить твою атаку!

Том широко улыбается под маской.

– Я же говорил – ты растешь! Давай еще разок!

Я не хочу делать людям больно. Меня долго не могли заставить дотронуться до человека достаточно сильно, чтобы тот почувствовал. Мне до сих пор это не нравится. Не нравится разгадывать чужую схему и вносить изменения, становясь ее частью.

Том торжествующе поднимает оба клинка, они вспыхивают на солнце. Я ослеплен яркостью и скоростью света.

Отблеск гаснет. Какова все же скорость тьмы? Тень не быстрее предмета, который ее отбрасывает. Ведь так? На этот раз я не слышу музыки, я вижу повторяющийся узор света и тени – он движется, кружится, световые дуги и спирали на темном фоне.

Я танцую на кромке света и за его пределами и вдруг ощущаю давление и вибрацию в руке. Одновременно с этим чувствую сильный толчок в грудь – Том уколол меня острием.

– Туше! – говорю я тоже, и мы оба отступаем, признавая обоюдное поражение.

– Ай-ай-ай!

Отвожу взгляд от Тома и вижу, как Дон согнулся, схватившись за спину. Он ковыляет к стульям, однако Люсия, опередив его, вновь садится рядом с Марджори. Почему я все это замечаю? Почему мне важно? Дон останавливается, все еще согнувшись. Свободных стульев больше нет, потому что подошли другие фехтовальщики. Дон опускается на каменные плиты, кряхтя и постанывая.

– Надо завязывать! Я слишком стар, – говорит он.

– Ты не стар, – возражает Люсия, – ты просто лентяй.

Не понимаю, почему Люсия так неприветлива с Доном. Они ведь друзья; друзей нельзя обзывать, только если в шутку. Дон не любит разминаться и много жалуется, но ведь он все равно остается другом.

– Эй, Лу! – говорит Том. – Ты убил меня, потом мы убили друг друга, теперь я хочу отыграться!

Пусть слова и сердитые, но голос добрый, и Том улыбается. Я вновь вскидываю клинки.

На этот раз Том делает то, чего никогда не делал раньше, – резко атакует. Я не успеваю вспомнить, как он учил реагировать на резкие атаки, отступаю, и поворачиваюсь вокруг своей оси, отталкивая его клинок своим, и стараюсь уколоть его в голову рапирой. Однако он движется слишком быстро, я промахиваюсь, он в свою очередь взмахивает рапирой над головой и бьет меня по макушке.

– Попался! – говорит он.

– Это ты как сделал? – спрашиваю я и быстро поправляю себя: – Как ты это сделал?

– Коронный прием для турниров! – отвечает Том, сдвигая на затылок маску. – Один противник проделал его со мной двенадцать лет назад, я пошел домой и тренировался, пока не освоил его на болванке... Вообще-то, он для соревнований, но ты вполне готов. Есть один секрет...

Том улыбается, по его лицу стекает пот.

– Эй! – кричит Дон с другого конца двора. – Я не рассмотрел! Повтори-ка!

– В чем секрет? – спрашиваю я.

– Ты должен сам понять. Можешь пользоваться моей болванкой, но я тебе больше ничего не покажу. Скажу лишь, что, если ошибешься, а противник не потеряет голову, ты труп! Ты видел, как легко отразить удар левого клинка!

– Том, ты мне этого не показывал – повтори! – настаивает Дон.

– Ты не готов, – отвечает Том. – Еще не заслужил.

Тон у него сердитый, совсем как у Люсии. Чем Дон их рассердил? Не размялся сегодня и быстро устает – разве это повод? Сейчас нельзя спрашивать, спрошу позже.

Снимаю маску и подхожу к Марджори, встаю рядом. Сверху видно, как блестят на солнце ее черные волосы. Если двигаться вперед-назад, свет пробегает по волосам туда-сюда, как по лезвию клинка Тома. Интересно, каковы на ощупь ее волосы.

– Садись на мое место! – говорит Люсия, поднимаясь. – Я еще пофехтую!

Я сажусь, всем телом ощущая, что Марджори сидит рядом.

– Будешь сегодня фехтовать? – спрашиваю я.

– Нет, мне нужно уйти пораньше. Прилетает моя подруга Карен, и я обещала встретить ее в аэропорту. Я заехала просто повидать... вас всех.

Я хочу сказать, что рад, что она заехала, но слова застревают во рту. Я чувствую себя неуклюжим.

– Откуда прилетает Карен? – наконец спрашиваю я.

– Из Чикаго. Она навещала родителей. – Марджори вытягивает ноги. – Она собиралась оставить машину в аэропорту, но проколола шину по дороге. Поэтому мне нужно ее встретить.

Она поворачивается ко мне, я смотрю на нее, и мне жарко от ее взгляда.

– А ты надолго сегодня?

– Не очень, – говорю я.

Если Марджори уезжает, а Дон остается, я поеду домой.

– Хочешь прокатиться со мной в аэропорт? Потом привезу тебя сюда – к твоей машине. Правда, ты вернешься позже, чем обычно: самолет приземлится не раньше десяти пятнадцати.

Прокатиться с Марджори? Я настолько удивлен и счастлив, что долго не могу пошевелиться.

– Да, – говорю я. – Да.

Лицо горит.

По пути в аэропорт смотрю в окно. Я легкий, кажется, вот-вот воспарю.

– От счастья становишься легче, – говорю я.

Ощущаю на себе взгляд Марджори.

– Легким, как перышко! – говорит она. – Верно?

– Пожалуй, не как перышко... Скорее как воздушный шар, – говорю я.

– Мне знакомо это чувство, – отвечает Марджори.

Она не говорит, что чувствует это сейчас. Я не знаю, что она чувствует. Нормальный человек догадался бы, но я не могу определить. Чем больше я ее узнаю, тем большего не понимаю. И также не понимаю, почему Том с Люсией неприветливы с Доном.

– Том с Люсией, кажется, сердятся на Дона, – говорю я.

Она бросает на меня косой взгляд. Наверное, я должен понять его значение, но я не понимаю. Хочется отвести глаза, внутри все сжимается.

– Дон иногда настоящий козел! – говорит она.

Дон не козел, он человек. Нормальные люди иногда меняют значения слов, не договариваясь предварительно, и понимают друг друга. Мне давно объяснили, что «козел» на жаргоне означает плохой человек. Но мне не объяснили почему, и мне до сих пор непонятно. Если кто-то плохой и ты хочешь сказать ему об этом, почему не сказать прямо? Зачем говорить «козел», «свинья» или что-то в этом роде? Хуже того – они добавляют «настоящий». Настоящий козел – это животное.

Хорошо бы объяснить Марджори, что неправильно так называть Дона, но мне больше хочется узнать, из-за чего Том с Люсией на него сердятся.

– Это потому, что он не разминается?

– Нет! – У Марджори тоже немного сердитый голос, у меня перехватывает дыхание. Что я сделал не так?..

– У него дурацкие шутки, Лу. Он шутит над людьми. Несмешные...

Несмешные люди или несмешные шутки? Я знаю: иногда шутишь, а никому не смешно, у меня такое бывало. До сих пор не понимаю, почему некоторые шутки смешные, а мои – нет, но это правда. Мы минуем еще один квартал.

– Он шутил над тобой, – тихо произносит Марджори. – Нам это не понравилось.

Не знаю, что сказать. Дон над всеми шутит, даже над Марджори. Мне это не нравится, но я ничего не предпринимаю. Надо было? Марджори вновь искоса смотрит на меня. Кажется, ждет ответа. Я ничего не могу придумать. Наконец говорю:

– Мои родители говорили, люди не становятся лучше оттого, что на них сердятся.

Марджори издает странный звук. Я не знаю, что он означает.

– Ты все-таки философ, Лу!

– Нет, – отвечаю я. – Я недостаточно умный, чтобы быть философом.

Марджори вновь издает непонятный звук. Я смотрю в окно: почти приехали. Ночью взлетные полосы и пути руления подсвечиваются разноцветными лампочками. Желтый, синий, зеленый, красный. Жалко, нет сиреневых. Марджори паркуется на кратковременной стоянке, мы переходим дорогу для автобусов и идем к терминалу.

Когда путешествую один, люблю смотреть, как открываются и закрываются автоматические двери. Сейчас я иду рядом с Марджори и делаю вид, что двери меня не интересуют. Она останавливается у электронного табло вылетов и прилетов. Я уже нашел нужный рейс: самый популярный авиаперевозчик из Чикаго, прибытие в 10:15, вовремя, выход семнадцать. Марджори еще не нашла. Нормальным людям нужно больше времени.

На пункте досмотра перед секцией «Прибытие» у меня вновь сжимается желудок. Я знаю, что нужно делать, родители меня научили, и я уже проходил досмотр. Достать из карманов все металлические предметы и сложить в маленький ящик. Подождать своей очереди. Пройти через ворота. Когда ничего не спрашивают, это несложно. Но когда спрашивают, я не всегда слышу: слишком шумно, звуки отражаются от твердых поверхностей. Я весь сжимаюсь.

Марджори проходит первой: сумочка на ленте, ключи в ящике. Проходит сквозь ворота, ее ни о чем не спрашивают. Кладу часы, кошелек и мелочь в маленький ящик и прохожу через ворота. Ни жужжания, ни писка. Мужчина в форме пристально смотрит на меня, пока я забираю ключи, кошелек и мелочь и складываю обратно в карман. Я оборачиваюсь к Марджори, которая ждет неподалеку. И тогда он говорит:

– Покажите ваш билет, пожалуйста. И удостоверение личности.

Я холодею. Он ни у кого больше не попросил документы: ни у парня с длинными волосами, заплетенными в косички, который протиснулся мимо меня, чтобы забрать чемодан с ленты, ни у Марджори, а я ведь ничего плохого не делал. Необязательно иметь билет, чтобы пройти досмотр перед зоной прилетов; надо просто знать номер рейса, который встречаешь. У встречающих обычно нет билетов, потому что они никуда не летят. Билет нужен в зоне досмотра вылета.

– У меня нет билета, – говорю я.

Марджори неподалеку переминается с ноги на ногу, однако не подходит. Вряд ли ей оттуда слышно, что он говорит, я тоже не хочу кричать в общественном месте.

– Удостоверение? – говорит он.

Смотрит неотрывно и слегка краснеет. Я открываю кошелек, показываю удостоверение. Он смотрит на него, потом опять на меня.

– Если у вас нет билета, что вы тут делаете? – спрашивает он.

Сердце бьется очень быстро, по спине стекает пот.

– Я... я... я...

– Ну говорите! – хмурится он. – Или вы заикаетесь?

Я киваю. Пока не могу говорить, мне нужно время. Достая из кармана рубашки записку. Протягиваю ему, он читает.

– Аутизм, значит?.. Но вы же разговаривали! Отвечали мне секунду назад. Кого вы встречаете?

Марджори приближается к нему со спины.

– Все в порядке, Лу?

– Отойдите, девушка! – говорит человек. На Марджори он не смотрит.

– Это мой друг, – говорит Марджори. – Мы встречаем подругу, рейс три – восемьдесят два, выход семнадцать. Я не слышала никаких сигналов, когда он прошел через металлоискатель.

Голос у нее сердитый.

Человек слегка поворачивает голову, чтобы взглянуть на нее. Немного успокаивается.

– Так он с вами?

– Да. Что-то не так?

– Нет, мэм. Просто он выглядел подозрительным. Это... – он все еще смотрит на мою записку, – все объясняет, наверное... Ну раз он с вами...

– Он не «со мной»! Лу – мой друг! – говорит Марджори тем же тоном, каким называла Дона настоящим козлом.

Брови человека в форме поднимаются, затем опускаются. Он протягивает мне записку и отворачивается. Я иду рядом с Марджори, она шагает широко, будто хочет размять ноги. Мы ничего не говорим, пока не приходим в огороженную зону ожидания для выходов с пятнадцатого по тридцатый. По другую сторону стеклянной стены люди с билетами сидят рядами на стороне вылетов; каркасы стульев блестящие металлические, а сиденья – темно-синие. На нашей стороне стульев нет, встречающим не полагается приходиться более чем за десять минут до обозначенного времени прибытия рейса.

Раньше было по-другому. Я, конечно, этого не помню, потому что родился на рубеже веков, но родители рассказывали, что в их время встречающие подходили прямо к выходам. После несчастий две тысячи первого года к выходам пускают только улетающих пассажиров. Это было очень неудобно для тех, кому нужна помощь, и многие просили выдать специальный пропуск, и правительство придумало сделать зону для встречающих с отдельным досмотром. Когда я впервые полетел на самолете с родителями, мне было девять лет, и во всех крупных аэропортах были отдельные зоны для улетающих и встречающих.

Я смотрю в большие окна. Повсюду огни. Красные и зеленые на краях крыльев самолетов. Квадратные тусклые лампочки вдоль окон обозначают оконный проем. Фары маленьких машин для перевозки тележек с багажом. Горящие огни и мигающие огни.

– Ты уже можешь говорить? – спрашивает Марджори, пока я смотрю на огни.

– Да.

Я ощущаю ее тепло, она стоит совсем рядом. На мгновение закрываю глаза.

– Я просто иногда не знаю, что сказать...

Показываю на самолет, подъезжающий к выходу:

– Это тот, который мы ждем?

– Думаю, да. – Марджори встает прямо передо мной. – Все нормально?

– Да, просто... так иногда бывает...

Мне неловко, что это случилось сегодня, когда я впервые остался с Марджори наедине. В старшей школе я иногда хотел заговорить с девочками, которые не хотели со мной разговаривать. Марджори тоже сейчас уйдет. Можно доехать до Тома на такси, но у меня с собой недостаточно денег...

– Хорошо, что ты в порядке! – говорит Марджори, а потом открываются двери и начинают заходить люди из самолета.

Она высматривает Карен, а я смотрю на нее. Карен оказывается женщиной в возрасте, с седыми волосами. Вскоре мы уже выходим из аэропорта и везем Карен домой. Я тихо сижу на заднем сиденье и слушаю, как Марджори с Карен разговаривают. Их голоса журчат, словно быстрая горная река. Я не могу уследить за беседой. Слишком быстро, и мне незнакомы места и люди, о которых они говорят. Впрочем, я не возражаю: я могу смотреть на Марджори, и мне не приходится поддерживать разговор.

Когда приезжаем к дому Тома и Люсии, где я оставил машину, Дона уже нет, а последние фехтовальщики складывают снаряжение в машину. Я помню, что не убрал клинки и маску, поэтому иду во двор, но Том говорит, что уже их занес; не хотел оставлять на ночь.

Прощаюсь с Томом, Люсией и Марджори и еду домой в быстро наступающей темноте.

III

Когда я возвращаюсь домой, в мессенджере мигает сообщение. Это Ларс, он так просит выйти в интернет. Уже поздно. Я не хочу завтра проспать и опоздать на работу. Но Ларс знает, что я по средам фехтую, и обычно не пишет мне в этот день. Должно быть, что-то важное.

Авторизуюсь и открываю сообщение. Он прислал статью из журнала, исследование по лечению синдромов аутизма у взрослых приматов. Я читаю с бьющимся сердцем. Давно известно, что в младенчестве аутизм лечится на генетическом уровне и у маленьких детей нарушенные мозговые функции во многом корректируются, но меня лечить уже поздно – во всяком случае, мне так говорили. Если верить статье – не поздно. Это следует из последней фразы, где автор предполагает, что результаты его исследования, возможно, применимы и к людям, и намеревается продолжить работу в данном направлении.

Пока я читаю, на экране появляются новые уведомления. Письмо из местного сообщества аутистов. Сообщение от Кэмерона и от Дейла. Значит, они тоже узнали. Решаю пока не отвлекаться на сообщения и продолжить чтение. Хотя статья о том, как устроен мозг аутиста, – не моя область и я не совсем понимаю, как именно работает лечение. Авторы часто ссылаются на другие источники, где процедура подробно расписана. Эти источники мне недоступны – по крайней мере, в данный момент. Я не знаю о методе «Хо и Делгрейша». Многие слова мне незнакомы, и в словаре их нет.

Когда я смотрю на часы, уже начало первого. Срочно в постель. Пора спать. Выключаю компьютер, завожу будильник, ложусь. Мне представляется, как безуспешно гонятся за тьмой фотоны света.

На следующее утро мы стоим в коридоре, избегая смотреть друг другу в глаза. Все уже в курсе.

– По-моему, ерунда, – говорит Линда. – Не может быть, чтобы сработало!

– Но если сработает, – возражает Кэмерон, – если сработает, мы станем нормальными!

– Я не хочу, – говорит Линда. – Я это я. Я довольна жизнью.

Довольной она не выглядит. Вид у Линды суровый и непреклонный.

– Я тоже, – говорит Дейл. – Подумаешь, сработало на обезьянах... Они же не люди, они устроены гораздо примитивней, чем мы. Обезьяны не умеют разговаривать. – Веко у Дейла дергается сильнее обычного.

– Мы уже общаемся гораздо лучше обезьян, – добавляет Линда.

Когда мы одни, без посторонних, нам легче всего разговаривать. Мы шутим, что нормальные люди излучают биополе, которое снижает наши способности. Это, конечно, неправда, и мы не рассказываем о нашей шутке другим, чтобы нас не сочли параноиками. Они подумают, что мы сумасшедшие – в плохом смысле, – они не поймут. Когда мы не понимаем шуток, это потому, что мы все воспринимаем буквально, но о них этого сказать нельзя.

– Было бы хорошо не ходить к психиатру каждый квартал, – говорит Кэмерон.

«Мне не пришлось бы посещать доктора Форнам», – думаю я. Если бы мне не надо было видеть доктора Форнам, я был бы гораздо счастливее. Была бы она счастливей, если бы ей не приходилось видеть меня?

– Лу, а ты как думаешь? – спрашивает Линда. – Ты ведь и так частично живешь в их мире.

Это можно сказать обо всех нас, потому что мы работаем здесь и живем самостоятельно. Однако Линда не любит проводить время с людьми, у которых нет аутизма, и считает, что мне не стоит водить дружбу с Томом и Люсией или прихожанами в церкви. Узнай она о моем отношении к Марджори, наверняка начала бы ругаться.

– Я с ними лажу... не понимаю, что в этом плохого! – Мой голос звучит резче, чем обычно, – так, к сожалению, случается, когда я расстроен.

Я не сержусь, не хочу говорить сердито.

– Вот видишь? – Линда смотрит на Кэмерона, а тот отводит глаза.

– Пора за работу, – говорю я, иду в кабинет, включаю маленький вентилятор и смотрю на отблески света. Хорошо бы попрыгать, но я не хочу идти в зал – вдруг зайдет мистер Крэншоу. Меня будто сжимает тисками. Трудно сосредоточиться на задаче, которую я сейчас решаю.

Интересно, каково это – быть нормальным. Я перестал гадать после окончания школы. С тех пор гнал эти мысли прочь. Но сейчас... каково не волноваться, что тебя сочтут сумасшедшим, когда ты заикаешься или вовсе не можешь ответить и вместо этого пишешь в блокноте? Каково не носить записку в кармане? Знать, что зрение и слух не откажут где попало... Знать, что думают люди, просто взглянув на лица...

Символы, которые я пытаюсь классифицировать, внезапно кажутся совершенно бессмысленными, подобно тому, как раньше казалась бессмысленной речь.

Вот, значит, как... А ведь нормальные люди не справляются с нашими задачами. Должен ли я выбирать между работой, которую делаю хорошо, и возможностью стать нормальным? Оглядываю кабинет. Крутящиеся спирали раздражают. Вертятся и вертятся по одной и той же траектории... Выключаю вентилятор. Если это и есть быть нормальным, мне это не нравится.

Символы вновь оживают, наполняясь значением, и я погружаюсь в них как можно глубже, чтобы не видеть неба над головой.

Когда я всплываю на поверхность, уже время обедать. Голова болит оттого, что я долго не ел и сидел на одном месте. Встаю и хожу по кабинету, размышляя о статье, которую прислал Ларс. Не могу выкинуть ее из головы. Я вроде бы не голоден, но нужно поесть. Иду в кухонный уголок нашего корпуса и достаю пластиковый контейнер из холодильника. Никому из нас не нравится запах пластика, но он помогает изолировать еду – так я не чувствую запах сэндвича с тунцом Линды, а она – моей вяленой говядины и фруктов.

Съедаю яблоко и несколько виноградин, жую мясо. Живот немного крутит; хорошо бы размяться, но, заглянув в зал, обнаруживаю там Линду и Чая. Линда прыгает, лицо застыло в сердитой гримасе, Чай сидит на полу и смотрит, как в струе воздуха поднимаются привязанные к вентилятору разноцветные ленты. Заметив меня, Линда оборачивается во время прыжка. Она не хочет разговаривать. Я тоже не хочу.

День кажется бесконечным. Ухожу, не задерживаясь ни на минуту, быстрым шагом иду к машине, припаркованной на обычном месте. В голове неправильная музыка, слишком громкая и резкая. Из открытой дверцы вырывается горячий воздух. Стою у машины и думаю: скорей бы осень и похолодание. Выходят остальные – все напряжены, каждый проявляет это по-своему, я стараюсь не встречаться с ними глазами. Мы молчим. Садимся по машинам, я отъезжаю первым, потому что пришел раньше всех.

Тяжело вести, когда жарко и в голове неправильная музыка. Свет отражается от лобовых стекол, бамперов, боков, слишком много вспышек. Добираюсь до дома – меня трясет, голова раскалывается. Прихватываю в спальню подушки с дивана, тщательно закрываю ставни и дверь. Ложусь, кладу подушки на грудь, гашу свет.

Я никогда не рассказывал доктору Форнам об этом способе. Она обязательно сделала бы пометку в деле – я точно знаю. Лежу в темноте и постепенно расслабляюсь под приятной тяжестью подушек, неправильная музыка затихает. Я погружаюсь в мягкую темную тишину... покой и отдых... больше нет мелькающих фотонов.

Постепенно способность думать и чувствовать возвращается. Мне грустно. Мне не должно быть грустно. Я думаю, что сказала бы доктору Форнам. Я здоров. У меня высокооплачиваемая работа. Есть жилье и одежда. Разрешение на собственный автомобиль – его дают

далеко не каждому, и мне не приходится делить с кем-то машину или ехать в шумном и людном общественном транспорте. Мне повезло.

Тем не менее грустно. Я так старался, а ничего не вышло. Одевался как все. Произносил нужные слова в нужные моменты: доброе утро, привет, как дела, хорошо, спокойной ночи, пожалуйста, спасибо, не за что, спасибо, нет, в другой раз. Следовал правилам дорожного движения, соблюдал законы. Обставил квартиру стандартной мебелью, свою необычную музыку слушал очень тихо или в наушниках. Но этого мало. Я не вписываюсь, несмотря на все старания, и настоящие люди хотят, чтобы я изменился.

Они не знают, как мне тяжело. Им все равно. Они хотят поменять меня, залезть в голову и исправить мозг. Именно этого и хотят, хоть и не говорят прямо.

Я думал, что вписался, раз я живу самостоятельно, делаю все, что делают остальные. Оказывается, нет...

Я вновь начинаю дрожать, даже под подушками. Плакать не стоит – соседи услышат. В голове звучат многочисленные диагнозы, я их с детства слышу. Расстройство аутического спектра. Аутизм. Нарушение сенсорной интеграции. Нарушение слухового восприятия. Нарушение зрительного восприятия. Боязнь тактильных ощущений.

Ненавижу диагнозы, их будто приклеили ко мне липким цепким клеем.

Все дети поначалу аутисты, сказал однажды кто-то из нас. Мы тогда нервно посмеялись. Мы были согласны, но утверждение опасное.

У здорового ребенка уходит несколько лет на то, чтобы составить единую картину мира из разнообразной информации, воспринимаемой органами чувств. Конечно, у меня это заняло больше времени, и я охотно признаю, что мое сенсорное восприятие до сих пор не совсем в норме, однако процесс познания проходил точно так же, как и у других детей. Поначалу поток информации меня ошеломлял, и я, защищаясь от ее воздействия, засыпал или отключал внимание.

Если почитать учебники, можно подумать, что так делают только дети с нарушениями, но на самом деле все дети умеют отгораживаться от потока, закрывая глаза, отводя взгляд или попросту засыпая, устав от окружающего мира. Со временем они учатся понимать сигналы, раздражители зрительных и слуховых каналов структурируются, распознаются как различные предметы, события, голоса разных людей – и наконец, дети начинают понимать родной язык.

У меня, как у любого человека, страдающего аутизмом, этот процесс шел гораздо дольше. Когда я подросток, родители мне объяснили: по какой-то причине мои детские рецепторы нуждались в более длительном раздражении, чтобы классифицировать раздражитель. К счастью для них (и для меня тоже), существует специальная технология, чтобы дать нейронам сигнал нужной продолжительности. Мне не стали ставить диагноз «дефицит внимания» (в то время довольно популярный), а просто предоставили моему мозгу сигналы, который он был способен различить.

Я помню время до того, как начал работать с компьютерной программой для изучения родного языка... звуки, произносимые людьми, казались такими же – и даже более бессмысленными, чем мычание коровы на лугу. Я не распознавал многие согласные – они были слишком короткими. Терапия помогла – программа растягивала согласные настолько, что я слышал их, и постепенно мозг научился фиксировать и более короткие сигналы. Однако не все. Я по сей день не понимаю быструю речь, как бы ни старался.

Прошлым поколениям было гораздо хуже. До компьютерных программ для изучения родного языка дети, как я, иногда вовсе не осваивали речь. В середине двадцатого века врачи считали аутизм психическим заболеванием наряду с шизофренией. Мама читала мемуары одной женщины, которую обвинили в том, что она свела с ума собственного ребенка. Убеждение, что люди с аутизмом являются – или становятся – душевнобольными, существовало до конца двадцатого века; несколько лет назад в одном журнале мне попала статья на эту тему.

Поэтому я и хожу к доктору Форнам, она проверяет, не развиваются ли у меня психические отклонения.

Интересно, а мистер Крэншоу считает меня сумасшедшим? Поэтому у него краснеет лицо, когда он со мной разговаривает? Он боится? Мистер Алдрин меня не боится – да и никого из нас. Он общается с нами как с нормальными. А вот мистер Крэншоу обращается ко мне как к упрямому животному, которое он имеет право дрессировать. Часто становится страшно, но сейчас, после отдыха под тяжестью подушек, я спокоен.

Хорошо бы выйти и посмотреть на звезды. Мы с родителями ездили с палаткой на Юго-Запад. Я лежал и смотрел на прекрасные звездные узоры, простирающиеся до бесконечности. Хорошо бы вновь взглянуть на звезды. В детстве они успокаивали, показывали, что в мире есть порядок, закономерность, и я ее часть, хоть и маленькая. А когда родители рассказали, как долго идет свет, прежде чем достичь моих глаз, мне было приятно – не знаю почему.

Здесь звезд не видно. На стоянке у соседнего дома включают натриевые лампы с розовато-желтым свечением. Из-за них воздух кажется мутным и звезды не пробиваются сквозь плотную завесу мрака. Видна только луна и несколько ярких звезд и планет.

Раньше я иногда выезжал за город и искал место, откуда можно смотреть на ночное небо. Это непросто. Если я вставал на проселочной дороге и выключал фары, то боялся, что проедет другая машина и врежется в меня. Если парковался у дороги или на съезде, то опасался, что местные жители меня заметят и вызовут полицию. Полицейские приедут и спросят, что я тут делаю посреди ночи. Они не поверят, что я смотрю на звезды. Скажут – это предлог. Я больше не езжу за город. Я коплю деньги, чтобы провести отпуск там, где можно любоваться на звезды.

С полицией у каждого своя история. Некоторые из нас чаще попадают в неприятности, некоторые реже. Джордж – он вырос с Сан-Антонио – говорит, что не трогают только богатых белых нормальных людей, остальные – потенциальные преступники. Его много раз останавливали в юности, потому что он научился разговаривать лишь к двенадцати годам, и то не очень хорошо. Они всегда думали, что он пьян или под наркотиками. Его забирали в участок, «чтобы разобраться», даже когда на нем был браслет с пометкой, что он страдает аутизмом и не может говорить. Обратного не отвозили, а вызывали кого-то из родителей. И мама, и папа у него работали, поэтому он просиживал в участке по три-четыре часа.

Со мной такого не случалось, но меня тоже иногда останавливают по непонятной причине, как тогда в аэропорту. Я очень пугаюсь резкого тона, и мне становится сложно говорить. Я долго репетировал фразу «Меня зовут Лу Арриндейл, я аутист, и мне трудно отвечать на вопросы» перед зеркалом, чтобы произнести ее, несмотря на испуг. Когда мне очень страшно, мой голос звучит резко и натянуто. Когда спрашивают: «У вас есть удостоверение?», – нужно сказать: «Оно в кармане». Если сразу полезть в карман за кошельком, полицейский может испугаться и даже убить меня. Наша учительница в старших классах мисс Севия объясняла, что полицейские иногда стреляют в людей, когда те достают удостоверение, потому что думают, что у них там нож или пистолет.

По-моему, это неправильно, однако я читал, что суд оправдывает полицейских, которые действовали в состоянии испуга. А обычный человек не имеет права стрелять в полицейского, даже если полицейский его сильно напугал.

Это неправильно. Несправедливо.

Полицейский, который приходил к нам в старших классах, сказал, что они заботятся о нас и их должны бояться лишь нарушители. Джен Бручард выразил мои мысли, заметив, что трудно не бояться, когда на тебя кричат и угрожают положить лицом вниз на землю. Даже если ты не нарушитель, поневоле испугаешься, когда громила в форме направляет на тебя пистолет. Полицейский покраснел и сказал, что хамить не обязательно. Я подумал, что ему тоже. Но благоразумно промолчал.

А полицейский, который живет в моем доме, всегда ко мне мил. Его зовут Дэниел Брайс, но он просит обращаться к нему Дэнни. При встрече он всегда говорит «доброе утро» или «добрый вечер», и я отвечаю «доброе утро» или «добрый вечер». Он как-то отметил, какая чистая у меня машина. Еще мы вместе помогали мисс Уотсон, когда она переезжала в дом престарелых: мы снесли вниз кофейный столик, я держал один конец, а Дэниел Брайс – другой. Он вызвался идти спиной вперед. Я никогда не слышал, чтобы Дэниел Брайс на кого-то кричал. Не знаю, что он думает обо мне, – знаю только, что ему нравится моя чистая машина. Не знаю, в курсе ли он, что я аутист. Я стараюсь не бояться его, потому что я не нарушитель, но все же немного боюсь.

Я пытался смотреть сериалы про расследования по телевизору, но они меня не успокоили. Там полицейские вечно усталые и злые, как будто так и должно быть. Мне нельзя быть сердитым, когда я сержусь, а им можно.

Но нельзя судить человека по поступкам ему подобных – мне не нравится, когда так судят обо мне, поэтому я стараюсь быть справедливым к Дэнни Брайсу. Когда он улыбается, я улыбаюсь в ответ. Когда говорит «доброе утро» или «добрый вечер» при встрече, я тоже говорю «доброе утро» или «добрый вечер». Я пытаюсь убедить себя, что его пистолет игрушечный, чтобы не обливаться потом в его присутствии, чтобы он не заподозрил меня в чем-то, чего я не совершал.

Я успокоился под одеялом и подушками, но также вспотел. Вылезаю из кровати, убираю подушки на место и иду в душ. Нельзя, чтобы от тебя плохо пахло. Люди, которые плохо пахнут, пугают и раздражают других. Мне не нравится запах мыла: он искусственный и слишком резкий, но я знаю, что этот запах не считается плохим.

Когда я выхожу из душа и одеваюсь, уже поздно – начало десятого. Обычно по четвергам я смотрю передачу про космические путешествия, но сегодняшняя выпуск я пропустил. Я голоден. Кипячу воду и бросаю лапшу.

Звонит телефон. Я подпрыгиваю. Какой бы звонок я ни выбрал, он каждый раз застает меня врасплох. Я всегда подпрыгиваю от неожиданности.

Звонит мистер Алдрин. У меня перехватывает дыхание. Какое-то время я не могу вымолвить ни слова, он тоже молчит. Ждет. Мистер Алдрин понимает.

А я не понимаю. Мистер Алдрин принадлежит к руководству. Он никогда раньше не звонил мне домой. И вдруг позвонил. Как будто выследил и поймал. Он мой начальник. Я обязан выполнять его распоряжения на работе. Мне странно слышать его голос в телефонной трубке дома.

– Я... не ожидал вашего звонка, – говорю я.

– Знаю, – отвечает он. – Я позвонил вам домой, потому что нам нужно поговорить вне офиса.

От волнения сводит живот.

– О чем? – спрашиваю я.

– Лу, вы должны узнать раньше, чем мистер Крэншоу вас всех созовет. Появился экспериментальный метод лечения аутизма у взрослых.

– Знаю, – говорю я. – Слышал. Он опробован на приматах.

– Да, но статья вышла больше года назад, с тех пор метод... доработали. Наша компания выкупила исследовательскую лабораторию. Крэншоу хочет, чтобы все вы прошли лечение. Я с ним не согласен. Я считаю, еще слишком рано и неправильно вам это предлагать. Во всяком случае, выбор должен быть за вами без постороннего давления. Но он мой начальник, и я не в силах помешать ему созвать вас на разговор.

Если не в силах помешать, зачем звонит? Это одна из хитростей нормальных людей? Я читал, что они так делают, когда знают, что поступают неправильно и нуждаются в поддержке.

– Я хочу помочь... – произносит мистер Алдрин.

Родители объясняли, что хотеть и делать – это разные вещи... Он не говорит «я помогу».

– Вам нужен представитель, – продолжает он. – Человек, который будет вести переговоры с Крэншоу. Причем лучше меня. Я могу найти такого человека.

Значит, сам он не хочет быть нашим представителем. Видимо, боится, что Крэншоу его уволит. Это разумно. Крэншоу вправе уволить любого. Язык меня не слушается, но после нескольких попыток я с трудом выговариваю:

– Полагаю... не стоит... не надо... думаю... лучше... мы найдем представителя сами.

– Найдете?.. – переспрашивает он с сомнением в голосе.

Раньше я не распознал бы сомнения, заметил бы какое-то недовольство и решил бы, что мистер Алдрин недоволен мной. Хорошо, что теперь я лучше разбираюсь. Интересно, почему он во мне сомневается, ведь он знает, какую работу мы выполняем, и то, что я живу самостоятельно.

– Я обращусь в центр поддержки, – говорю я.

– Наверное, так даже лучше... – говорит он.

На его конце какой-то шум. Он что-то говорит, но, вероятно, не мне: «Сделай потише! Я разговариваю!» Ему отвечает другой голос – очень недовольный, но слов я не разбираю. Затем мистер Алдрин говорит уже громче, обращаясь ко мне:

– Лу, если не получится найти... Если понадобится помощь, обращайтесь! Я желаю вам самого лучшего, будьте уверены...

Я не уверен. Мистер Алдрин – наш управляющий, он всегда терпелив и мил, благодаря ему в офисе появились нововведения, которые облегчают нам жизнь, но правда ли он желает нам самого лучшего? Откуда ему знать, что для нас лучше? Разве он желает, чтобы я женился на Марджори? Он же совсем не знает нас вне работы.

– Спасибо, – говорю я.

«Спасибо» уместно почти всегда. Думаю, доктор Форнам меня одобрила бы.

– Отлично, – говорит он.

«Отлично» бессмысленное выражение, им просто подводят к концу разговора, я не буду о нем долго думать.

– Звоните, если понадобится помощь! Запишите мой номер!

Он быстро диктует номер, который записывается на память телефона, но я и так не забыл бы. Я легко запоминаю номера, особенно этот, который представляет собой серию простых чисел – вряд ли мистер Алдрин об этом задумывался.

– До свидания, Лу! – прощается он. – Постарайтесь не волноваться.

Стараться и делать – разные вещи. Я тоже прощаюсь, вешаю трубку и возвращаюсь к лапше – уже слегка переваренной. Мне нравится переваренная лапша, она мягкая и нежная. Мало кто любит лапшу с арахисовой пастой, а я люблю.

Значит, мистер Крэншоу хочет, чтобы мы прошли лечение. Вряд ли он может нас заставить. Есть закон о клинических исследованиях. Не знаю точно, что в нем написано, но вряд ли мистеру Крэншоу разрешат нас принудить. Мистер Алдрин, возможно, знает об этом больше, он же управляющий. Должно быть, он считает, что мистер Крэншоу вправе нас заставить и попытается это сделать.

Никак не могу уснуть.

В пятницу утром Кэмерон сообщает, что мистер Алдрин ему тоже звонил. Он всем позвонил. Мистер Крэншоу еще ничего никому не говорил. Внутри неприятно сжимается, как перед экзаменом, который ты вряд ли сдашь. Какое облегчение сесть за компьютер и работать!

За день ничего примечательного не происходит, кроме того что я заканчиваю первую часть текущего проекта, и результаты получаются хорошие. После обеда Кэмерон сообщает, что в нашем центре пройдет встреча, посвященная статье про исследование. Он пойдет. Гово-

рит, нам всем нужно пойти. У меня нет планов на эту субботу, кроме мытья машины, к тому же я и так почти всегда хожу в центр по субботам.

Субботним утром иду на собрание. Идти далеко, но еще рано, поэтому не жарко, и мне приятно размяться. Кроме того, по пути в наш центр мостовая выложена кирпичами – бежевыми и красными, узор интересный, я люблю на него смотреть.

В центре я встречаю не только ребят с работы, но и других аутистов из нашего города. Некоторые, в основном те, что постарше, проводят дни в центрах ухода для взрослых: выходят в общество в сопровождении специалистов, а живут в интернатах. Еще есть Стефан, он профессор в маленьком университете, занимается биологией. Есть Мэй, она профессор в большом университете, ее исследование – на стыке математики и биофизики. Стефан и Мэй редко посещают собрания. Я заметил, что чаще всего приходят люди, у которых больше всего отклонений; молодые, вроде Джо Ли, почти никогда не приходят.

Обычно я болтаю со знакомыми, которые мне нравятся, например, с Мюрреем – тот работает в большой бухгалтерской фирме. Мюррей спрашивает о фехтовании; сам он занимается айкидо и тоже скрывает это от психиатра. Я уверен, что Мюррей слышал о новом лечении, иначе вряд ли пришел бы сегодня сюда, но, кажется, не хочет о нем говорить. Он не работает с нами; вероятно, не в курсе, что ученые собираются проводить клинические испытания на людях. Возможно, он был бы «за». Не буду уточнять, не сегодня.

Центр поддержки не только для аутистов, туда приходят люди с другими расстройствами тоже, особенно по выходным. Я не знаю, что это за расстройства. Не хочу думать, сколько бывает отклонений.

Некоторые посетители дружелюбны и разговаривают с нами, некоторые нет. Ко мне сразу же подходит Эмми. Она почти всегда здесь. Эмми ниже меня, у нее темные волосы и очки с толстыми стеклами. Не знаю, почему она не сделает операцию по коррекции зрения. Спрашивать невежливо. Эмми всегда кажется немного сердитой. Брови сведены, около рта напряженные складки, уголки губ направлены вниз.

– У тебя есть девушка! – говорит она.

– Нет, – отвечаю я.

– А вот и да! Мне Линда рассказала. И твоя девушка не из наших!

– Нет, – повторяю я.

Марджори – не моя девушка (пока), и я не хочу обсуждать ее с Эмми. Линде не следовало ничего рассказывать Эмми, особенно это. Я не говорил Линде, что Марджори – моя девушка, потому что это неправда. Зачем она так?

– Там, где ты играешь с мечами, есть девушка, – продолжает Эмми.

– Есть, но она не моя девушка, – говорю я.

А сам задумываюсь. Мне становится жарко от мыслей о Марджори, я вспоминаю выражение ее лица на прошлой неделе.

– А Линда говорит – твоя. Она шпионка, Лу!

Эмми редко называет людей по имени; когда она произносит мое, мне кажется, будто она толкает меня в бок.

– Что значит «шпионка»?

– Она работает в университете, где проводится это исследование... ну, ты понимаешь...

Эмми смотрит на меня так, будто это я веду исследование. Она имеет в виду научную лабораторию по изучению нарушений в развитии. Когда я был маленьким, родители возили меня туда на тестирование, и потом я три года посещал специальные уроки. Потом родители посчитали, что лаборатория больше заинтересована в получении денег на грант, чем в помощи детям, и записали меня на другую программу в местной больнице. Местное сообщество аутистов запрещает ученым посещать наши собрания и вести наблюдения без нашего согласия.

Эмми сама работает в университете смотрительницей, наверное, поэтому и узнала про Марджори.

– В университете работает много народу. Не все они из лаборатории, – говорю я.

– Она шпионка, Лу! – повторяет Эмми. – Ей интересен твой диагноз, а не ты.

Внутри меня образуется пустота, я уверен, что Марджори не из лаборатории, но все же...

– Ты для нее просто псих! – продолжает Эмми. – Объект исследования.

«Объект исследования» она произносит как оскорбление. Грязное ругательство. Я мышь в лабиринте, обезьяна в клетке. Люди, которые первыми испытают на себе новый метод, будут именно «объектами», совсем как приматы, на которых экспериментировали ранее.

– Неправда, – говорю я. По бокам и по шее стекает пот, я дрожу, как всякий раз, когда на меня нападают. – И в любом случае она не моя девушка.

– Хорошо хоть так! – говорит Эмми.

Остаюсь на собрание, потому что, если уйду, Эмми будет обсуждать меня и Марджори со всеми. Мне нелегко слушать выступающего, который рассказывает о протоколе исследования и разъясняет детали. Я слушаю и не слушаю. Замечаю, когда он говорит что-то новое, но не очень сосредотачиваюсь. Потом прочту речь на сайте центра. Я не думал о Марджори, пока Эмми про нее не заговорила, а сейчас не могу остановиться.

Я нравлюсь Марджори. Уверен, что нравлюсь. Уверен, что нравлюсь ей просто так. Я – Лу из группы по фехтованию, Лу, которого она позвала с собой в аэропорт в среду. Люсия сказала, что я нравлюсь Марджори. Люсия не врет.

Нравиться можно по-разному. Мне нравится ветчина в качестве еды. Я не задумываюсь, что чувствует ветчина, когда ее ем. Ветчина не думает, поэтому мне не жалко ее кусать. Некоторые не едят мясо, потому что оно когда-то было живым существом с мыслями и чувствами, но теперь оно не живое, и мне его не жалко. Все, что мы едим, было когда-то живым, может быть, и у деревьев тоже есть мысли и чувства, только мы их не понимаем.

Вдруг Эмми права и я нравлюсь Марджори как вещь, предмет, как кусок ветчины? Вдруг я просто нравлюсь ей больше других объектов исследования, потому что я спокойный и дружелюбный?

Сейчас я не чувствую себя спокойным и дружелюбным. Мне хочется кого-нибудь ударить.

Докладчик пока не сказал ничего, о чем мы не знали из интернета. Он не может объяснить, в чем состоит метод, не знает, где зарегистрироваться, чтобы принять участие в исследовании. Не говорит о том, что компания, где я работаю, купила этот проект. Возможно, он просто не в курсе. Я ничего не говорю. Мистер Алдрин может ошибаться.

После собрания многие остаются, чтобы обсудить новое лечение, но я быстро уезжаю. Хочу пойти домой и подумать о Марджори без Эмми. Мне не нравится представлять, как Марджори проводит клинические исследования, мне хочется вспоминать, как она сидела рядом со мной в машине. Думать о ее запахе, об отблесках света в ее волосах, о том, как она фехтует.

Пока я мою машину, думать о Марджори легче. Я отвязываю от сиденья овечью шкуру и вытряхиваю ее. Даже если быть очень аккуратным, в ней что-то застревает: соринки, пылинки, а сегодня – скрепка. Непонятно откуда. Кладу скрепку на переднюю панель, сметаю пыль с сидений, пылесосу пол. Шум пылесоса раздражает, но так быстрее, чем протирать пол тряпкой, и меньше пыли попадает в нос. Мою лобовое стекло изнутри, тщательно прохожусь по всем углам, затем чищу зеркала. В магазинах продаются специальные средства для мойки машин, но все они плохо пахнут, и меня от них тошнит, поэтому я использую лишь мокрую тряпку.

Вновь покрываю сиденье чехлом и аккуратно завязываю веревки. Ну вот – машина готова к воскресному утру. Я еду в церковь на автобусе, но мне нравится думать, что моя машина чистая, как и полагается в воскресенье.

Быстро принимаю душ, не думая о Марджори, потом ложусь в постель, и мысли возвращаются. Образ Марджори движется, но не меркнет. Ее лицо мне гораздо легче читать, чем лица других людей. Выражения не сменяются слишком быстро, и я успеваю понять. Засыпаю, глядя на ее улыбку.

IV

Том смотрел с улицы, как Марджори Шоу и Дон Пуато пересекают двор. Люсия думала, что Марджори прониклась симпатией к Лу Арриндейлу, а она – пожалуйста – идет с Доном. Тот, разумеется, отобрал у нее сумку со снаряжением. Если бы он ей не нравился, она не отдала бы...

Вздыхнув, Том провел рукой по редющим волосам. Он любил фехтование, любил, когда приходили люди, но вечные интриги и выяснения отношений в группе с годами утомляли все больше. Он хотел, чтобы в их с Люсией доме люди раскрывали потенциал по максимуму и в спорте, и в общении, но иногда ему казалось, что у них во дворе ошивается кучка вечных подростков. Ученики то и дело приходили к нему понуть и пожаловаться на одноклассников.

Или вываливали свои проблемы на Люсию. Это в основном женщины. Подсаживались, изображая интерес к вязанию или фотографиям, и изливали душу. Том с Люсией часами обсуждали, что происходит в группе, кого поддержать, как помочь, как не взять на себя лишнюю ответственность.

Когда Дон с Марджори подошли ближе, Том увидел, что девушка недовольна. Дон, как обычно, ничего вокруг не видит, что-то тараторит и размахивает ее сумкой, воодушевленный собственной речью. Ну началось, подумал Том. Сегодня он обязательно услышит, чем Дон не угодил Марджори и как Марджори холодна.

– ...Еще он хранит вещи в одном и том же месте, не может положить в другое! – говорил Дон, когда они подошли ближе, и Том стал различать слова.

– Это называется аккуратность! – ответила Марджори, тон у нее был чопорный, значит, она сердилась всерьез. – Ты разве против аккуратности?

– Я против одержимости, – сказал Дон. – Вот вы, миледи, проявляете здоровую гибкость: паркуетесь иногда на этой стороне улицы, иногда на той, носите разную одежду. На Лу всегда одинаковая одежда – чистая, надо признать, но одна и та же... и странная привычка хранить снаряжение.

– Ты переложил его вещи, а Том заставил тебя вернуть их на место, да? – спросила Марджори.

– Да, чтобы Лу не расстроился... – обиженно буркнул Дон. – Это нечестно!

Том видел, что Марджори готова накричать на Дона. Он сам был бы не прочь. Однако кричать бесполезно. Бывшая девушка Дона, серьезная и работающая, восемь лет его воспитывала, и все без толку.

– Я тоже люблю порядок, – вмешался Том, стараясь убрать из голоса негодование. – Легче для всех, когда каждый знает, где лежат его вещи. Между прочим, потребность все разбрасывать где попало так же смахивает на одержимость, как привычка класть на одно и то же место.

– Брось, Том! Забывчивость и одержимость – разные вещи!

Тон у Дона был не сердитый, а снисходительный, как будто Том – маленький глупый мальчик. «Интересно, а на работе Дон так же себя ведет? Если да, то понятно, почему у него сплошные дыры в резюме», – думал Том.

– Правило придумал я, Лу просто его выполняет, не в чем его винить, – сказал Том.

Дон, пожав плечами, пошел за снаряжением.

Несколько минут покоя перед началом... Том сел рядом с Люсией, которая начинала растяжку, и потянулся к пальцам на ногах. Раньше это было легко. Марджори, опустившись на землю по другую сторону от Люсии, сложила вдвое, пытаясь дотронуться лбом до колен.

– Сегодня должен прийти Лу, – сказала Люсия, косясь на Марджори.

– Надеюсь, я его не сильно напрягла поездкой в аэропорт, – заметила Марджори.

– Не думаю, – заметила Люсия. – По-моему, он был очень доволен. Там что-то случилось?

– Нет. Встретили мою подругу. Потом я привезла Лу сюда. Вот и все. Дон говорил что-то о его снаряжении...

– Много вещей осталось во дворе, Том попросил Дона подобрать, и тот хотел рассовать все по полкам как попало. Том заставил убрать по местам. Дон столько раз видел, как правильно раскладывать, пора бы уже запомнить, но он... не хочет учиться... Как расстался с Хелен, опять дите неразумное – совсем, как раньше. Когда он уже вырастет...

Том слушал не вмешиваясь. Он знал, куда клонит Люсия: сейчас она все выведает о чувствах Марджори к Лу и к Дону. Тому вовсе не хотелось при этом присутствовать. Закончив растяжку, он поднялся навстречу Лу, который как раз появился из-за угла.

Проверяя освещение и последний раз обходя площадку на предмет потенциальных опасностей, Том смотрел, как Лу растягивается, как всегда методично и тщательно. Некоторые считали Лу занудой, но Том находил его бесконечно интересным. Тридцать лет назад Лу не смог бы влиться в нормальную жизнь, пятьдесят лет назад вообще не вышел бы из специального заведения. Однако новые методы раннего воздействия, методики обучения и компьютерные программы для развития органов чувств дали ему возможность найти хорошую работу, жить самостоятельно, почти полноправно существовать в реальном мире.

Разве не чудо? Однако Тому было немного грустно за Лу. Людей помладше, рожденных с тем же неврологическим расстройством, полностью излечивают от аутизма в первые два года жизни – с помощью генотерапии. Лишь те, чьи родители отказались от лечения, долго и упорно нарабатывают навыки, подобно Лу. Будь он помладше, не мучился бы так. Ведь Лу тоже мог бы быть нормальным – что бы это ни значило...

Тем не менее он фехтует! Том вспомнил о дерганных, неловких движениях Лу поначалу – долго казалось, что Лу никогда не сможет фехтовать по-настоящему. Долгое и трудное вхождение на каждой стадии развития и медленный рост – от учебной рапиры к шпаге, от шпаги к настоящей рапире, затем учебная рапира и кинжал, шпага и кинжал, рапира и кинжал и так далее.

Без врожденного таланта, все своим трудом. Но сейчас, развив физические навыки в достаточной степени, Лу всего за несколько месяцев начал мыслить так, как иные фехтовальщики не могли научиться десятилетиями.

Перехватив взгляд Лу, Том подозвал его.

– Помнишь, что я сказал? Дерись с сильными противниками.

– Да... – Лу кивнул и салютовал.

Поначалу двигался неловко, но затем быстро приноровился, выгодно используя отрывистость своих движений. Том кружился, менял направление, делал ложные выпады, наступал, нарочно открывался, чтобы подловить. Лу отражал каждый выпад и тоже искал уязвимые места. Есть ли у Лу свой замысел, или он просто реагирует на противника? Том не знал. Однако ученик раз за разом предугадывал атаки и едва не пробивал защиту учителя. Значит, Лу просчитывал его шаги наперед – раскусил его, Тома, тактику.

– Анализ закономерностей! – воскликнул Том вслух, когда Лу, обведя клинок, ткнул тренера в грудь.

– Прости, – сказал Лу и смутился.

Он на все говорил «прости».

– Хороший укол! – похвалил Том. – Я отвлекся, пытался понять, как ты это делаешь. Ты ведь распознаешь закономерности?

– Да, – ответил Лу.

Тон у него был удивленный, вроде «разве не все его используют?».

– Я, например, не могу сделать это во время поединка, ну, разве что логика противника очень проста.

– Это нечестно?

– Очень честно, главное – уметь! – ответил Том. – Это признак хорошего фехтовальщика, ну и шахматиста тоже. Ты играешь в шахматы?

– Нет.

– Что ж... давай посмотрим, отыграюсь ли я, если не буду отвлекаться!

Том кивнул, они возобновили поединок, но сосредоточиться по-прежнему не получалось. Мысли возвращались к Лу: как он научился правильно использовать отрывистость и резкость движений, как Том впервые понял, что Лу далеко пойдет, когда заметил, как тот предугадывает движения более слабых соперников. Что это говорит о его манере мыслить? А о нем самом?

Лу открылся, и Том, сделав выпад, тут же почувствовал ощутимый укол в грудь.

– Черт, Лу, продолжишь в том же духе, отправлю тебя на турнир! – воскликнул Том полушутя.

Лу напрягся, втянул голову в плечи.

– Я тебя расстроил? – забеспокоился Том.

– Мне... нельзя драться на турнире, – ответил Лу.

– Как хочешь! – Том вновь салютовал.

Интересно, почему Лу выразился именно так. Одно дело «не хочу», другое – «нельзя». Будь Лу нормальным (Том возненавидел себя за такую формулировку, пусть даже в мыслях), он уже года три выступал бы на турнирах. Побегал бы соревноваться, толком не подготовившись, как часто делают другие. Том заставил себя сосредоточиться на поединке, отразил удар и попытался сделать собственные атаки более непредсказуемыми.

В конце концов у него занялся дух, и пришлось остановиться.

– Все, передышка, Лу... Пойдем повторим... кое-что...

Лу послушно последовал за учителем и сел на каменный бортик террасы, а Том устроился на стуле. Он отметил, что Лу, хоть и вспотел, дышал вполне ровно.

Том прерывает бой, ловит ртом воздух и объявляет, что устал. Отводит меня в сторону, наше место занимает другая пара. Он дышит очень тяжело, делает большие паузы между словами – мне так гораздо понятней. Я рад, что Том мной доволен.

– Смотри-ка, ты даже не запыхался! Иди пофехтуй с кем-нибудь еще! Я отдышусь немного, и мы поговорим.

Я смотрю на Марджори, она сидит рядом с Люсией. Я заметил, что она наблюдала за мной, пока мы фехтовали с Томом. Сейчас она опустила глаза, щеки порозовели от жары. У меня живот сводит от волнения, но я поднимаюсь и подхожу к ней.

– Привет, Марджори! – говорю я.

Сердце колотится. Марджори улыбается – и губами, и глазами.

– Привет, Лу! – говорит она. – Как дела?

– Хорошо! – говорю я. – Может быть... ты хочешь... пофехтуешь со мной?..

– Конечно!

Она надевает маску. Теперь мне не так хорошо видно ее лицо, я опускаю сетку, и она перестает видеть мое. Зато можно наблюдать из укрытия; сердце бьется ровнее. Начинаем с повторения связок из учебника по фехтованию Савиоло¹. Шаг за шагом, вперед, в сторону, мы кружим, пробуя защиту противника на прочность. Это своеобразный ритуал и одновременно диалог: она нападет – я парирую, я нападаю – она парирует. Интересно, она тоже так чувствует?

¹ Винченцио Савиоло (XVI век) – мастер фехтования, родился и вырос в Италии, стал автором одной из первых книг по фехтованию. (Здесь и далее – прим. перев.)

Марджори двигается мягче и осторожней, чем Том. Шаг – шаг, вопрос – ответ, разговор клинков под музыку в моей голове.

Она делает неосторожное движение, и я колю. Случайно.

– Извини! – говорю.

Музыка замолкает, ритм сбивается. Я отступаю, прерывая разговор, опускаю острие вниз.

– Нет!.. Ты молодец! – говорит Марджори. – Не надо было зевать!

– Тебе не больно? – Судя по дрожи в кисти, укол был сильным.

– Нет! Давай продолжим!

Под сеткой маски блеснули зубы: она улыбается. Я салютую; она отвечает, мы возобновляем танец. Я стараюсь быть аккуратней и сквозь прикосновение стали о сталь чувствую, что Марджори теперь тверже, сосредоточеннее, быстрее. С этого момента я пытаюсь фехтовать в ее темпе, чтобы продлить поединок как можно дольше.

Вскоре, слишком скоро, я слышу ее учащенное дыхание – Марджори пора сделать перерыв. Мы благодарим друг друга, скрестив шпаги; у меня кружится голова.

– Было здорово! – говорит она. – Чувствую, хватит изобретать отговорки и не ходить в зал! Надо тренироваться с весом, а то рука болит!

– Я хожу в зал три раза в неделю, – говорю.

Потом понимаю, что это звучит так, будто я даю ей указания или хвастаюсь, но я просто хотел сообщить, что поднимаю гири три раза в неделю, чтобы руки не болели.

– И мне надо бы! – отвечает она.

Голос довольный и спокойный. Я тоже успокаиваюсь. Она не рассердилась, что я сказал про зал.

– Раньше я тоже занималась, но теперь работаю над новым проектом, и он съедает все время!

Проект представляется мне неким живым существом, которое грызет часы. Вероятно, это и есть исследование, о котором говорила Эмми.

– Понятно. А что за проект? – Жду ответ, затаив дыхание.

– Я занимаюсь нейромышечной системой, – говорит Марджори. – Мы разрабатываем различные виды терапии для нейромышечных заболеваний, которые нельзя исправить генным воздействием.

Она смотрит на меня, и я киваю.

– Как мышечная дистрофия?

– Да, например! – говорит Марджори. – Между прочим, так я и попала в фехтование.

Я чувствую, как морщится лоб – я озадачен. Как фехтование связано с мышечной дистрофией? Люди с медицинским образованием не обязаны учиться фехтовать.

– Так и попала в фехтование?..

– Да! Много лет назад я шла на встречу и срезала путь через дворик, где Том как раз проводил пробную тренировку... Помню, я стояла, смотрела, как люди фехтуют, и думала о биохимии мышечных клеток, и Том вдруг предложил мне попробовать. Думаю, он решил, что я заинтересовалась самим спортом, а я-то наблюдала за работой ножных мышц.

– Я думал, ты фехтовала со студенческих лет.

– Так и есть. Я тогда училась в аспирантуре.

– Надо же... И ты всегда занималась мышцами?

– Так или иначе. Поскольку генная терапия успешно справляется с заболеваниями, причина которых лишь в самих мышцах, я переключилась на нейромышечные связи... ну то есть мой работодатель переключился, я ведь там не главная.

Она долго смотрит мне в лицо, мне приходится отвести взгляд – слишком острое чувство.

– Это ничего, что я позвала тебя в аэропорт, Лу? С тобой было спокойней.

Мне становится жарко.

– Да... Ничего... Я хотел... – С трудом сглотнув ком в горле, восстанавливаю контроль над голосом: – Я был рад съездить с тобой.

– Хорошо, – говорит Марджори.

Больше ничего не добавляет; я сижу рядом, потихоньку расслабляясь. Вот бы сидеть так весь вечер. Сердце замедляется, и я начинаю оглядывать остальных. Макс с Томом и Сюзан дерутся двое на одного. Дон, ссутулившись, сидит на стуле на другом конце двора; быстро отводит глаза, когда я перехватываю его пристальный взгляд.

Том помахал на прощанье Максу, Сюзан и Марджори, они уходили вместе. Оглянувшись, увидел, что Лу остался. Люсия скрылась в доме, а за ней, как обычно, потянулись желающие излить душу.

– Есть одно исследование, – сказал Лу. – Или даже метод лечения.

Том больше обратил внимание на тон – резкий и напряженный, чем на сами слова. Лу был испуган не на шутку – в спокойном состоянии он так не разговаривает.

– Экспериментальный или уже действующий?

– Экспериментальный, но они... на работе... хотят, чтобы... Начальник сказал... чтобы я попробовал.

– Экспериментальное лечение?.. Странно! Оно же не входит в страховку компании?

– Там... они... его разработали в Кембридже, – произнес Лу отрывисто и механически. – Они его купили. Мой начальник говорит, что его начальник хочет, чтобы мы прошли процедуру. Мой начальник не согласен, но не может помешать своему начальнику.

Тому резко захотелось врезать кому-нибудь из начальников. Лу напуган, на него явно давят! «Лу не ребенок», – напомнил себе Том. У него, Тома, в данном случае нет никаких прав. Однако есть обязанности, ведь Лу его друг.

– Ты знаешь, как этот метод работает? – спросил он.

– Нет еще, – покачал головой Лу. – О нем написали в интернете на прошлой неделе, местное общество аутистов устраивало собрание, но они не знают... Думают – до использования на людях еще далеко. Мистер Алдрин, мой руководитель, сказал, что метод будут тестировать, а мистер Крэншоу хочет, чтобы мы записались в добровольцы.

– Чушь! Они не могут заставить тебя проходить непроверенное лечение, Лу! Это незаконно.

– Они могут лишиться меня работы.

– Они угрожают уволить тебя, если не согласишься? Быть не может!

Нет, Лу не уволят, в университете такое не прокатило бы. Однако в частных компаниях свои порядки. Неужели?..

– Тебе нужен юрист! – заключил Том.

Стал вспоминать знакомых юристов. Гейл, пожалуй, подойдет. Она давно занимается правами человека и, более того, зарабатывает на этом. «Лучше найти, к кому обратиться за помощью, чем размышлять, кому дать в морду», – попытался образумить себя Том.

– Да... нет... Я не знаю. Я волнуюсь. Мистер Алдрин тоже сказал, нам нужно нанять... юриста...

– Правильно! – сказал Том.

Затем засомневался, стоит ли давать Лу дополнительную пищу для размышлений, но все же добавил:

– Насчет турниров, Лу...

– У меня еще не тот уровень, – быстро вставил тот.

– Вообще-то, как раз тот! И еще я думаю, что выступление на турнире поможет и с другой проблемой тоже... – Том подумал, как лучше донести свою мысль, и добавил: – Судиться с

работодателем – это все равно что поединок. Турнир придаст тебе уверенности, а уверенность точно пригодится!

Лу смотрел на него почти без всякого выражения.

– Не понимаю, при чем тут фехтование...

– Ну, может, и ни при чем... Просто тебе было бы полезно попрактиковаться с кем-то кроме нас.

– Когда турнир?

– Ближайший местный – через пару недель, – ответил Том. – В субботу. Мы тебя подведем, мы с Люсией будем рядом, поддержим, познакомим с хорошими людьми.

– А что, там бывают плохие?

– Ну... да. Плохие бывают везде, даже в фехтовании попадаются экземпляры. Но в основном все хорошие. Тебе понравится!

Нельзя настаивать, хоть Том и убеждался с каждой минутой, что Лу необходимо более тесное взаимодействие со здоровыми людьми (если можно так назвать сборище любителей исторических реконструкций). Да, в повседневной жизни они были нормальными, просто любили наряжаться и понарошку убивать друг друга шпагами.

– У меня нет костюма, – возразил Лу, опустив глаза на свою кожаную куртку с обрезанными рукавами.

– Мы тебе что-нибудь подберем, – пообещал Том (Лу наверняка подойдет один из его костюмов. У него их больше чем достаточно – в семнадцатом веке никто не мог позволить себе столько). – Люсия поможет!

– Ну я не знаю... – пробормотал Лу.

– Подумай до следующей среды и скажи. Надо будет заплатить вступительный взнос. Не хочешь идти сейчас, скоро будет еще один.

– Я подумаю, – согласился Лу.

– Хорошо... И насчет твоего дела... Я, кажется, знаю подходящего юриста. Свяжусь с ней. А что там в вашем центре? Ты к ним обращался?

– Нет. Мистер Алдрин мне позвонил, но официального заявления не было, думаю, пока не будет, не стоит ничего говорить.

– Однако не помешает заранее узнать свои права, – заметил Том. – Я точно не знаю: законы много раз менялись, и я не в курсе текущих положений насчет клинических исследований на людях. Тебе нужен специалист.

– Это дорого! – сказал Лу.

– Возможно, – ответил Том. – Это тоже нужно выяснить. Пусть тебе скажут в центре.

– Спасибо, – сказал Лу.

Том смотрел, как Лу удаляется, тихий, сдержанный, иногда немного пугающий, но совершенно безобидный Лу. От одной мысли, что над ним будут ставить эксперименты, Тому стало дурно. Лу – это Лу. Он хорош как есть.

В доме он обнаружил Дона – тот растянулся на полу под вентилятором и, как обычно, болтал без умолку. Люсия вышивала, всем видом умоляя «спасите меня!». Дон повернулся к Тому.

– Значит, ты считаешь, что Лу готов выйти на открытые соревнования? – спросил он.

Том кивнул.

– Подслушивал? Да, думаю, готов. Он очень вырос. Фехтует с лучшими в группе и выигрывает.

– Для таких, как он, это большая нагрузка! – заметил Дон.

– «Таких, как он», то есть аутистов?

– Ну да. Насколько я понимаю, они не сильно-то любят шум, скопление людей и тому подобное. Я читал, например, что среди них много талантливых музыкантов, которые не высту-

пают на публике. Лу хороший парень, но не думаю, что надо отправлять его на турнир. Он свихнется.

Том, сдержав резкие слова, вертевшиеся на языке, спросил:

– Ты помнишь свой первый турнир, Дон?

– Ну да... Я был очень молод. Провалился с треском...

– Вот именно. Помнишь, что ты сказал мне после первого поединка?

– Нет... не очень... Помню, что проиграл. Ужасно расстроился.

– Ты сказал, что не смог сосредоточиться, потому что вокруг было много народу.

– Ну да. А у Лу будет еще хуже.

– Хуже, чем у тебя, не будет, Дон!

Дон покраснел.

– Ну... я... для него же хуже! Проиграть... Я-то что...

– Ты-то выпил шесть бутылок пива и блевал за деревом! – отрезал Том. – А потом плакал и говорил, что это худший день в твоей жизни.

– Я был маленьким! Зато я все выплеснул, чтобы потом не переживать. А он будет долго страдать.

– Как мило, что ты за него волнуешься! – ядовито сказала Люсия, и Том невольно поморщился, хоть замечание было и не в его адрес.

Дон нарочито небрежно пожал плечами, хотя глаза его сузились.

– Конечно, волнуюсь. Он же не такой, как мы.

– Не такой! – подтвердила Люсия. – Как спортсмен Лу гораздо сильнее, чем большинство из нас, и человек он получше некоторых.

– Черт возьми, Люси! Да ты, я смотрю, не в духе! – шутливо проговорил Дон, но по тону было понятно, что ему вовсе не смешно.

– Неудивительно, после разговора с тобой! – заявила Люсия, поднимаясь и убирая вышивание.

Том и слова не успел сказать, как она вышла за дверь. Он терпеть не мог, когда жена высказывала кому-то горькую правду, которую он сам не решался высказать, а ему приходилось утешать. Как и следовало ожидать, Дон заговорщицки смотрел на него, будто хотел сказать «о уж эти женщины!», а Том его взгляды на женщин не разделял.

– У нее что? Кризис среднего возраста, что ли? – спросил Дон.

– Нет, – ответил Том. – Она просто выразила свое мнение.

Которое Том, между прочим, разделял, но вряд ли стоило это говорить. Пора бы уже Дону вырасти! Одни проблемы от него!

– Слушай, я устал, и завтра урок с утра...

– Ладно-ладно... Намек понял... – Дон с трудом поднялся на ноги, картинно морщась и держась за поясницу.

Проблема была в том, что ничего он не понял и проторчал еще добрых пятнадцать минут, Том торопливо захлопнул дверь и погасил свет, чтобы Дон не вернулся еще что-то досказать, что с ним часто случалось. На сердце было беспокойно. Когда-то давно Дон был очаровательным увлеченным мальчиком, и Том должен был помочь ему стать зрелым мужчиной, а не тем, кем он стал... Для чего еще нужны старшие друзья?

– Это не твоя вина, – сказала Люсия из коридора (голос ее теперь звучал мягче, и Том немного расслабился – ему вовсе не улыбалось успокаивать разъяренную жену). – Если бы не ты, было бы хуже.

– Вот уж не знаю... Я мог бы...

– Прирожденные учителя, как ты, всегда полагают, что должны спасти ученика от самого себя. Подумай сам: Маркус в Коламбии, Грейсон в Мичигане, Владьянов уехал в Берлин, они все твои мальчики, и все стали лучше благодаря тебе. Дон – не твоя вина.

- Ладно уж, сегодня куплюсь... – буркнул Том.
Люсия в проеме освещенной спальни смотрелась волшебю.
– Я надеялась, ты еще кое на что купишься... – лукаво проговорила она, сбрасывая халат.

* * *

Никак не пойму, почему Том второй раз заговорил про участие в турнире, когда я рассказал про экспериментальное лечение аутизма. Думаю об этом по дороге домой. Понятно, что я развиваюсь и не уступаю самым сильным в группе. Но при чем тут лечение или законные права?

Люди, которые выступают на турнирах, подходят к делу серьезно. Они готовятся. Покупают снаряжение. Хотят выиграть. Я не уверен, что хочу выиграть, хоть мне и нравится предугадывать чужие ходы и, исходя из этого, планировать свои. Том считает, что я должен хотеть выиграть? Или думает, что надо захотеть выиграть на турнире, чтобы захотеть выиграть в суде?

Эти две вещи не связаны между собой. Можно хотеть выиграть поединок или выиграть в суде, необязательно желать и того и другого.

Что же общее? В обоих случаях соревнование. Есть победитель, есть проигравший. Родители всегда подчеркивали, что не все в жизни соревнование, что бывает командная работа, тогда выигрывают вместе. Фехтовать приятней, когда люди сотрудничают, вместе получают удовольствие от процесса. Когда я нанюшу удар, я не думаю, что выиграл, я думаю, что удачно сыграл.

Ладно, допустим, в обоих случаях требуется подготовка. Но подготовка требуется везде. В обоих случаях... Я резко беру в сторону, объезжая велосипедиста, – у него нет фонарика сзади, и я его еле заметил.

...В обоих случаях нужно предугадать действия соперника, выявить закономерность. Наблюдение. Анализ. Вывод.

Мне хотелось бы порадовать Тома. Когда я помогал с покрытием и снаряжением, он был мной доволен. Я бы очень хотел, чтобы Том опять был мной доволен, но не уверен, что мое участие в турнире его порадует. А вдруг я буду плохо фехтовать и проиграю? Он расстроится? Чего он от меня ждет?

Было бы интересно фехтовать с новыми, незнакомыми людьми. Я не знаю их логики. Они нормальные и не знают, что я не нормальный. Или Том им расскажет? Почему-то мне кажется, что не расскажет.

В следующую субботу я пойду в планетарий с Эриком и Линдой. Через субботу – третья суббота месяца, а в третью субботу я делаю генеральную уборку. Турнир – в субботу после третьей. На нее у меня ничего не запланировано.

Придя домой, вписываю карандашом «турнир по фехтованию» на четвертую субботу месяца. Думаю позвонить Тому, но уже поздно, и, кроме того, он сказал сообщить на следующей неделе. Вешаю на календарь памятку на клейкой бумажке: «Сказать Тому “да”».

V

К вечеру пятницы мистер Крэншоу так и не заговорил с нами об экспериментальном лечении. Может быть, мистер Алдрин ошибся? Может быть, мистер Алдрин его отговорил? В интернете идет бурное обсуждение, однако никто, кажется, не знает, когда и где будут проводиться испытания на людях.

Я ничего не пишу в интернете про то, о чем рассказал мистер Алдрин. Он вроде бы не запрещал, но, мне кажется, это было бы неправильно. Если мистер Крэншоу передумал, а я всех зря расстрою, он рассердится. Он и так все время выглядит сердитым, когда заходит.

Программа в планетарии называется «Планеты внешней Солнечной системы и их спутники». Ее показывают с Дня труда, значит, не будет слишком много народу, даже несмотря на субботний день. Я хожу рано – на первый показ, там еще меньше людей, даже в людные дни. Заполнена только треть зала, и мы с Эриком и Линдой устраиваемся на пустом ряду, чтобы не сидеть слишком близко к другим.

В амфитеатре странно пахнет, но так всегда бывает. Когда гаснут огни и темнеет искусственный небосвод, я чувствую знакомое радостное возбуждение. Хотя огоньки, один за другим зажигающиеся на куполе, и не настоящие, но все же звезды. Свет не такой древний, он не летел миллиарды и миллиарды миль, становясь все мягче и мягче в пути, он исходит от проектора меньше чем в десятитысячной доле световой секунды, но он мне все равно нравится.

Зато мне совсем не нравится длинное вступление, в котором рассказывают, что люди знали о Вселенной сто лет назад, пятьдесят лет назад и так далее. Мне интересней, что мы знаем сейчас, а не то, что, возможно, рассказывали моим родителям в детстве. Что с того, что в далеком прошлом некоторые считали, что на Марсе существуют водные каналы?

На плюшевой обивке моего кресла бугорок. Провожу пальцем – кто-то прилепил жвачку или конфету, которую не отчистили до конца. Теперь, когда я это заметил, я уже не смогу не обращать внимания. Подкладываю под себя брошюру.

Наконец рассказчик в записи переходит от истории к настоящему времени. Последние снятые из космоса снимки планет внешней Солнечной системы потрясают; такое чувство, что я вот-вот упаду в гравитационный колодец, покину кресло и полечу от одной планеты к другой. Вот бы увидеть их собственными глазами! Я захотел стать космонавтом еще в детстве, когда впервые посмотрел новости о людях в космосе. Однако это невозможно. Даже если бы я прошел процедуру «Целая жизнь» и прожил бы достаточно долго, я все равно остался бы аутистом. Мама говорила: не горюй о том, чего не в силах изменить.

В этой программе для меня нет ничего нового, но мне все равно нравится. Под конец чувствую голод. Обычно я обедаю раньше.

– Может быть, поедим? – предлагает Эрик.

– Я поеду домой, – отвечаю я. – У меня еще осталось вяленое мясо и яблоки, которые нужно съесть, пока они свежие и хрустящие.

Эрик кивает и отворачивается.

* * *

В воскресенье я иду в церковь. Перед службой органист играет Моцарта. Музыка подходит к строгой атмосфере церкви. Правильное сочетание как хорошо подобранные рубашка, галстук и пиджак: не одинаковые, но гармонируют между собой. Хор исполняет приятный гимн Раттера. Мне больше нравится Моцарт, но это тоже можно слушать.

В понедельник прохладней, дует свежий северо-восточный ветер. Недостаточно холодный, чтобы надеть куртку или свитер, но уже не жара, и это приятно. Самая жаркая часть лета позади.

Во вторник вновь теплеет. По вторникам я покупаю продукты. В магазинах по вторникам не оченьлюдно.

Наблюдаю за людьми в магазине. Когда я был маленьким, некоторые люди считали, что скоро продуктовые магазины исчезнут. Все будут заказывать еду по интернету, и ее будут доставлять к дверям. Наши соседи так и делали какое-то время, и мама считала, что это глупо. Они с миссис Тейлор спорили по поводу доставки. Краснели и повышали голос – так визжат ножи, когда их точат. Я тогда думал, что мама с миссис Тейлор ненавидят друг друга, однако потом узнал, что взрослые, да и вообще люди, иногда ссорятся и спорят, но это не значит, что у них плохие отношения.

Сейчас тоже есть компании, которые занимаются доставкой, но в наших краях они не приживаются. Можно сделать заказ заранее – его соберут и оставят в отделе выдачи. Я иногда пользуюсь этой услугой, но не слишком часто. Это стоит на десять процентов дороже, и потом мне полезно ходить в магазин. Так говорила моя мама. Миссис Тейлор возражала, что мне и без походов по магазинам хватает стресса, но моя мама считала ее слишком чувствительной. Иногда мне хотелось, чтобы моей мамой была миссис Тейлор, но я ругал себя за эти мысли.

Когда люди ходят за продуктами в одиночку, они ни на кого не смотрят, лица у них сосредоточенные и серьезные. Мама научила меня правилам поведения в продуктовом магазине, и соблюдать их оказалось довольно легко, несмотря на шум и суету. Покупатели не настроены останавливаться и болтать с незнакомыми, поэтому они избегают взгляда, и можно незаметно наблюдать, не доставляя никому неудобств. Продавцы, принимая карту или деньги, не обижаются, что я не смотрю в глаза, хотя вежливость предполагает встретиться глазами хотя бы ненадолго. Также вежливо сказать что-нибудь о погоде, даже если человек прямо перед тобой в очереди сказал ровно то же самое, но и это необязательно.

Иногда я задумываюсь: насколько нормальные люди нормальны? И чаще всего эти мысли посещают меня именно в продуктовых магазинах. На курсах «полезных практических навыков» нас учили составить список и идти по плану, вычеркивая наименования. Преподаватель советовал заранее посмотреть цены на сайте, чтобы не сравнивать их на месте. Если верить преподавателю, все нормальные люди так делают.

Однако человек, перегоревший мне дорогу между рядами, ту лекцию явно пропустил. По виду он нормальный, но стоит и перебирает банки с соусами для спагетти, изучает этикетку, сравнивает цены. За его спиной невысокая седовласая женщина тянет шею, пытаясь увидеть ту же полку. Ей, наверное, нужен один из соусов около меня, но мужчина у нее на пути, и она не хочет его беспокоить. Я тоже не хочу. Лицо у него напряженное – на лбу складки. Он слегка покраснел. Он раздражен. И я, и седовласая женщина понимаем, что хорошо одетого сердитого мужчину лучше не трогать.

Вдруг мужчина, подняв глаза, перехватывает мой взгляд. Лицо его вспыхивает – оно теперь еще более красное и лоснящееся от пота.

– Ну сказали бы! – ворчит он и резко сдвигает свою тележку в сторону, еще больше загромождавая дорогу седовласой женщине. Я улыбаюсь и киваю, она аккуратно объезжает мужчину, затем прохожу я.

– Что за бред! – бормочет мужчина. – Почему они разных размеров?

Я уже научен опытом и не отвечаю, хоть и соблазнительно. Если люди говорят, они обычно хотят, чтобы их слушали. Меня учили внимательно слушать, когда кто-то говорит, и я долго тренировал этот навык. В продуктовом магазине люди часто не хотят получить ответа на вопрос и сердятся, если ответить. Этот мужчина уже рассержен. У меня сильно бьется сердце.

Впереди два ребенка, совсем маленькие, хихикая, хватают с полки упаковки с приправами. Молодая женщина в джинсах оборачивается с другого конца ряда и рывкает:

– Джексон! Мисти! А ну положите на место!

Я вздрагиваю. Она обращается не ко мне, но от ее тона мне не по себе. Один из детей визжит совсем рядом со мной, а второй заявляет:

– Не положим!

Женщина с перекошенным от гнева лицом быстро проходит мимо меня. Один из детей вскрикивает, я не оборачиваюсь. Хочется шикнуть: «Тише! Тише!», но это не мое дело – нельзя говорить другим людям «тише!», если ты не родитель и не начальник. Присоединяются голоса еще нескольких женщин, одна ругает женщину с детьми. Я быстро сворачиваю в другой ряд. Сердце колотится в груди сильнее и быстрее обычного.

Люди приходят в продуктовые магазины специально, чтобы послушать этот шум, посмотреть, как другие торопятся, сердятся и расстраиваются. Поэтому система удаленных заказов с доставкой на дом не прижилась – люди предпочитают поглазеть на других, чем сидеть в одиночестве, ожидая заказа. Правда, не везде: в каких-то городах удаленные заказы вполне востребованы. Но не у нас... Обхожу стенд с винами, понимаю, что пропустил нужный ряд и внимательно оглядываюсь, прежде чем повернуть обратно.

Я всегда заезжаю в ряд со специями, даже если не собираюсь их покупать. Когда не слишком людно, как сегодня, например, останавливаюсь понюхать ароматы. Даже сквозь запах мастики для натирки полов, чистящего средства и жевательной резинки малыша, который вертится неподалеку, можно различить смесь специй и трав. Корица, тмин, гвоздика, майоран, мускатный орех... даже названия интересные. Мама любила добавлять специи и травы. И давала понюхать. Некоторые мне не нравились, но большинство вызывали приятные чувства. Сегодня в списке перец чили. Мне не нужно останавливаться и искать, я знаю его место на полке и цвет упаковки – бело-красный.

Меня неожиданно бросает в пот – прямо передо мной Марджори. Она меня не видит, потому что погружена в собственные мысли и не смотрит по сторонам, как и положено в магазине. Она открыла банку со специями – я гадаю, что это за специя, а потом до меня доносится явный запах гвоздики. Мой любимый. Быстро отвернувшись, пытаюсь сосредоточиться на полке с пищевыми красителями, цукатами и украшениями для тортов. Не понимаю, почему они в одном ряду со специями и травами, ну да ладно.

Увидит ли она меня? Заговорит ли, если увидит? Может быть, нужно первому заговорить? Язык будто разбух. Рядом какое-то движение. Это она или кто-то другой? Если бы я по настоящему выбирал товар, я бы не оглянулся. Зачем мне украшения для торта и сушеные вишни?

– Привет, Лу! – говорит Марджори. – Собрался испечь пирог?

Я оборачиваюсь. Раньше я видел Марджори лишь у Тома с Люсией или в машине по пути в аэропорт и обратно. Никогда не встречал ее в этом магазине. Необычная для Марджори обстановка или, может быть, обычная, просто я не знал...

– Я... я... просто смотрю...

Говорить трудно. Ненавижу потеть!

– Какие яркие, – говорит она, и в ее голосе благожелательная заинтересованность. Хотя бы не смеется надо мной. – Ты любишь кексы с цукатами?

– Н-нет, – говорю я, сглатывая большой ком в горле. – По-моему... по-моему, они на вид более красивые, чем на вкус.

Это неправильно – вкус в принципе не может быть красивым, но слишком поздно исправлять ошибку.

Она серьезно кивает и говорит:

– Согласна! Первый раз я попробовала кекс с цукатами, когда была маленькая, и ожидала, что он будет вкусным, раз он такой красивый. А потом... он мне не понравился...

– Ты... ты часто сюда заходишь? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она. – Я иду к подруге, и она попросила меня кое-что прихватить по дороге.

Марджори смотрит на меня, и я вновь ощущаю, как сложно говорить. Мне даже дышать сейчас сложно, а по спине течет липкий пот.

– А ты тут постоянно бываешь?

– Да, – говорю я.

– Тогда ты знаешь, где рис и фольга для запекания! – говорит она.

Я вспоминаю не сразу, сначала в голове совершенно пусто.

– Да, рис в середине третьего ряда, – говорю я, – а фольга на восемнадцатом...

– Ой, нет! – восклицает она весело. – Покажи мне, я, кажется, уже час тут брожу!

Она имела в виду «проводи меня»? Ну разумеется! Почему я сразу не догадался!

– Пойдем! – говорю я и качу за собой корзину, работница магазина, которая едет навстречу с тележкой, доверху заполненной товарами, одаривает нас недовольным взглядом.

– Извините! – говорю я.

Та молча проезжает мимо.

– Я пойду за тобой. Чтобы никому не мешать, – говорит Марджори.

Я киваю и сначала иду по направлению к рису – поскольку мы сейчас на седьмом ряду, это ближе, чем фольга. Я чувствую, что Марджори идет сзади – ощущаю тепло, будто в спину светит солнце. Хорошо, что она не видит моего лица: оно тоже горит.

Пока Марджори изучает рис: в пачках, в коробках, длиннозерный, круглый, коричневый, с различными добавками, не зная, какой именно ей нужен, я смотрю на Марджори. Одна ресница длиннее и темнее остальных. Глаза у нее интересные – многоцветные, с крапинками на радужке.

Большинство глаз имеют несколько цветов, но цвета, как правило, похожи. Синие глаза могут иметь два оттенка синего, или синий и серый, или синий и зеленый, или даже пару коричневых крапин. Большинство людей этого не замечает. Когда я первый раз получал удостоверение личности, в анкете был вопрос о цвете глаз. Я попытался перечислить все оттенки своих глаз, но в бланке не хватило места. Мне сказали написать «карие». Я написал «карие», но это не единственный цвет, который есть в моих глазах. Это цвет, который обычно видят другие, потому что не особенно вглядываются.

Мне нравится цвет глаз Марджори, потому что это глаза Марджори и потому что все оттенки красивые. И цвет ее волос мне тоже нравится. В анкетах она, наверное, указывает «каштановый», но в ее волосах еще больше оттенков, чем в глазах. В магазине волосы Марджори кажутся более тусклыми, чем на улице, рыжих отблесков не видно, но я знаю, что они есть.

– Нашла! – говорит Марджори.

Она держит пачку белого длиннозерного риса быстрого приготовления. Потом улыбается:

– Теперь еще фольгу, и победа! Ну то есть – все, что нужно.

Я тоже улыбаюсь и чувствую, как напряглись мышцы на щеках. Я понял, что значит «победа». Она всерьез думает, что я не понял? Я веду ее мимо центральных стендов к полкам с пластиковыми пакетами и одноразовой посудой, пищевой пленкой, пергаментной бумагой и фольгой.

– Мы быстро справились! – говорит Марджори.

Фольгу она выбирает быстрее, чем рис.

– Спасибо, Лу! – говорит она. – Ты мне очень помог!

Я думаю, рассказать ли ей про экспресс-кассу в этом магазине. Или она рассердится? Но она же упомянула, что торопится...

– Экспресс-касса... – произношу я, мысли вдруг путаются, я слышу собственный голос, ровный и тусклый: – В это время дня в экспресс-кассу часто встают люди с большим количеством покупок, чем нужно.

– Как неприятно! – говорит она. – С какого конца быстрее?

Я не сразу понимаю, что она имеет в виду. В очередь можно встать только с одного конца, а быстрота продвижения зависит от медлительности кассира... Марджори ждет ответа, она меня не торопит. Может быть, она спрашивает, какую очередь выбрать, если исключить экспресс-кассу? На этот вопрос я могу ответить: лучше идти к кассе, ближайшей к информационному центру. Это и сообщаю Марджори, она кивает.

– Прости, Лу, мне надо бежать! – говорит она. – Встречаюсь с Пэм в шесть пятнадцать. Сейчас шесть ноль семь. Если Пэм живет далеко, Марджори не успеет.

– Удачи, – говорю я и смотрю, как она быстро удаляется, ловко обходя других покупателей.

– Вот она, значит, какая! – произносит кто-то за спиной.

Разворачиваюсь. Это Эмми. Как обычно, сердитая.

– Она даже не красивая!

– А я думаю, красивая, – возражаю я.

– Оно и видно! Ты покраснел!

Лицо горит. Возможно, я и правда покраснел, но Эмми необязательно было на это указывать. Невежливо комментировать чужую внешность в общественных местах. Я молчу.

– Ты небось вообразил, что она в тебя влюблена, – продолжает Эмми.

Голос у нее злой. Я вижу, Эмми думает, что я думаю, что Марджори в меня влюблена, но Эмми считает, что я ошибаюсь и Марджори меня не любит. Мне не нравится, что она это все думает, но приятно, что я столько всего понял по ее словам и тону. Еще несколько лет назад не понял бы.

– Я не знаю, – отвечаю я по возможности спокойно и тихо. На другом конце ряда женщина замерла с пластиковыми контейнерами в руках и поглядывает на нас. – А ты не знаешь, что я думаю. И не знаешь, что думает она. Ты пытаешься угадывать мысли, а это неправильно.

– А ты что, самый умный? – говорит Эмми. – Подумаешь, разбираешься в компьютерах и всякой математике! Про людей ты ничего не знаешь!

Вижу, что женщина подбирается к нам с конца ряда, прислушиваясь к разговору. Мне становится страшно. Нельзя вести подобные разговоры на людях. Нельзя обращать на себя внимание. Надо быть как все: выглядеть, говорить и вести себя, как нормальные люди. Если попытаться напомнить это Эмми, она еще больше рассердится. Еще раскричится...

– Мне пора! – говорю я Эмми. – Я опаздываю.

– Куда? На свидание? – спрашивает она.

Слово «свидание» она произносит громче остальных и с восходящей интонацией, присущей сарказму.

– Нет, – говорю я спокойно.

Если сохранять спокойствие, возможно, она отстанет.

– Я буду смотреть телевизор. Я всегда смотрю телевизор по... – Не могу вспомнить день недели, в голове пусто.

Отворачиваюсь, будто я и не собирался заканчивать предложение. Эмми отрывисто смеется, но больше ничего не говорит. Я торопливо возвращаюсь в отдел со специями, беру пачку молотого перца и направляюсь к выходу. Во всех кассах очередь.

Передо мной пять человек. Один со светлыми волосами, четверо с темными. Три женщины и два мужчины. На одном из мужчин светло-синяя рубашка почти того же оттенка, что

коробка в его корзине. Я стараюсь не думать ни о чем, кроме цвета, но здесь шумно, и при магазинном освещении цвета не такие, как на самом деле. Я имею в виду – не такие, как при дневном освещении. Магазин тоже существует на самом деле. Вещи, которые мне не нравятся, так же реальны, как те, которые мне нравятся.

Все же приятней думать о вещах, которые мне нравятся, чем о тех, которые не нравятся. Мне радостно думать о Марджори и о «Te Deum»² Гайдна; а если хоть на секунду вспомнить об Эмми, музыка становится мрачной и неприятной и хочется убежать. Я сосредотачиваюсь на Марджори, как будто это работа, и музыка вновь льется, веселее и веселее.

– Это ваша девушка?

Я напрягаюсь и смотрю назад вполборота. Та самая женщина, которая наблюдала за нами, встала в очередь за мной. Глаза блестят в неестественно ярком свете электрических ламп, в уголках губ комки безвкусной оранжевой помады. Женщина улыбается, но улыбка не мягкая. Жесткая улыбка – одними губами. Я молчу, и она опять заговаривает:

– Я невольно обратила внимание... Ваша подруга была очень расстроена. Она немного особенная, верно?.. – Женщина оголяет в улыбке зубы.

Я не знаю, что сказать. Надо что-то ответить, люди в очереди уже смотрят на нас.

– Простите, что вмешиваюсь... – продолжает женщина, напряженно шуря глаза. – Я просто... просто ее манера говорить...

Жизнь Эмми – дело Эмми. Женщина не имеет к ней отношения, она не имеет права спрашивать, что не так с Эмми. Если с ней вообще что-то не так...

– Вам, наверное, нелегко... – произносит женщина и, оглянувшись на людей в очереди, издаст смешок.

Не понимаю, что ее насмешило. Мне вовсе не смешно.

– Отношения – дело и так непростое, – говорит она уже без улыбки – у доктора Форнам такое же лицо, когда она объясняет задание. – А вам, вероятно, еще сложнее...

У мужчины, стоящего за ней, странное выражение лица – не пойму, согласен он с женщиной или нет. Хоть бы кто-нибудь попросил ее замолчать! Если это сделаю я, будет невежливо.

– Надеюсь, я вас не обидела? – говорит она громче, приподняв брови – ждет от меня правильного ответа.

На мой взгляд, правильного ответа не существует.

– Я вас не знаю, – говорю я очень тихо и спокойно.

«Я вас не знаю и не хочу обсуждать ни Эмми, ни Марджори, ни другие личные темы с посторонним человеком» – вот, что я имею в виду.

Женщина морщится, я поспешно отворачиваюсь.

– Подумать только! – возмущенно фырчит она.

– Не надо было лезть! – произносит мужской голос (думаю, это мужчина, который стоит позади женщины, но оглядываться не собираюсь).

Осталось два человека, я смотрю прямо перед собой, не глядя ни на что конкретно, пытаюсь вновь услышать музыку, но у меня не получается. В ушах шумит.

Пока я был в магазине, жара стала еще более липкой. Я чувствую все запахи – остатки конфет на обертках, огрызки яблок, жвачка, чужие дезодоранты и шампуни, асфальт на парковке, выхлопы автобусов. Кладу пакеты на капот и отпираю машину.

– Привет! – раздается рядом.

Подпрыгнув от неожиданности, оборачиваюсь. Это Дон. Я не ожидал увидеть тут Дона. Марджори я тоже не ожидал увидеть. Интересно, кто еще из нашей группы по фехтованию заезжает сюда?

– Здорово, приятель! – говорит Дон.

² «Te Deum» (лат.) – «Тебя, Бога, хвалим», старинный христианский гимн.

На нем рубашка с коротким рукавом и темные брюки. Я никогда не видел его в такой одежде, на фехтовании он обычно в футболке и джинсах или специальном костюме.

– Привет, Дон! – говорю я.

Мне не хочется разговаривать с Доном, хоть он и друг. Слишком жарко, нужно отвезти продукты домой и убрать в холодильник. Беру один из пакетов и перекладываю его на заднее сиденье.

– Ты тут покупаешь продукты? – спрашивает он.

Довольно глупый вопрос, учитывая, что я стою у магазина с пакетами на капоте. Он думает, что я их краду?

– Я приезжаю сюда по вторникам, – говорю я.

Вид у него неодобрительный. Может быть, он считает, что вторник – неправильный день для покупки продуктов, но тогда почему он сам тут?

– Придешь завтра на фехтование? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я.

Ставлю второй пакет в машину и закрываю заднюю дверь.

– Собираешься на турнир? – Дон смотрит на меня так, что хочется отвести глаза.

– Да, – говорю. – Но сейчас мне нужно домой.

Молоко хранят при температуре тридцать восемь градусов по Фаренгейту или ниже. Здесь, на парковке, по меньшей мере девяносто, и молоко, которое я купил, нагревается.

– У тебя реально все по расписанию, да? – спрашивает он.

А разве может быть «нереально по расписанию»? Это, наверное, одно из выражений вроде «настоящий козел».

– Ты каждый день делаешь одно и то же? – спрашивает он.

– Не каждый день. В определенные дни, – поясняю я.

– Понятно, ну ладно, до завтра, правильный ты человек!

Он смеется. Смех странный, будто ему вовсе не весело. Открываю переднюю дверь, сажусь в машину. Дон молчит, но не уходит. Когда я завожу мотор, он дергает плечом, будто его что-то ужалило.

– До свидания! – говорю я, потому что положено попрощаться.

– Ага, – говорит он. – Пока!

Я отъезжаю, а Дон не двигается, и, взглянув в зеркало заднего вида на выезде со стоянки, я вижу его на прежнем месте. Выворачиваю на улицу, оглядываюсь: Дон ушел.

В любой квартире тише, чем на улице, но это не полная тишина. Подо мной живет полицейский Дэнни Брайс, у него работает телевизор, я различаю, что он смотрит какое-то ток-шоу. Надо мной миссис Сандерсон подтаскивает стулья к столу на кухне, она это делает каждый вечер. Тикает заводной будильник, гудит блок питания. Гудение иногда меняет тембр. С улицы тоже доносятся шумы: грохот электрички, визг тормозов, голоса в боковом дворе.

В расстроенном состоянии сложнее не замечать звуки. Если включить музыку, она покроет звуки, но они не исчезнут, как не исчезает мусор, замеченный под ковер. Вытираю запотевшую пачку молока, разбираю продукты, включаю музыку.

Не слишком громко. Нельзя мешать соседям. В плеере стоит Моцарт, он обычно помогает. Напряжение постепенно проходит.

Зачем эта женщина со мной заговорила? Не надо было! В продуктовых магазинах не принято заговаривать с незнакомыми людьми. Я ощущал себя в безопасности, пока она не привлекла ко мне внимание. Но женщина не заметила бы меня, не говори Эмми так громко, Эмми мне и до этого не нравилась... От мыслей об Эмми и женщине из магазина на лбу выступает пот.

Родители говорили не обижаться на других, когда они замечают мою необычность. Не надо винить Эмми. Надо проанализировать собственное поведение.

Не хочу! Я ничего плохого не сделал. Мне необходимы продукты. Я имел полное право находиться в магазине. Я вел себя как полагается. Не обращался к посторонним, не разговаривал сам с собой. Не занимал слишком много места в проходах. Марджори – мой друг. Нет ничего плохого в том, что я поговорил с ней и помог найти рис и фольгу для запекания.

Это Эмми виновата. Говорила слишком громко и привлекла к нам внимание. А та женщина в любом случае не должна была вмешиваться, даже если Эмми кричала бы во весь голос. Я ни в чем не виноват.

VI

Мне кажется, то, что я сейчас испытываю, нормальные люди называют влюбленностью. Интересно, прав я или нет. В школе на уроках литературы мы проходили несколько историй про влюбленных, но учителя всегда говорили, что эти истории нереалистичны. В чем именно их нереалистичность, я не понял. Однако не уточнил, потому что тогда мне было неважно. Я думал, истории про любовь – ерунда. Мистер Нилсон на уроках здоровья говорил, что любовь – это просто всплеск гормонов и не надо делать глупостей. Когда он рассказал о сексуальном контакте, мне захотелось вовсе не иметь никаких половых органов, как пластмассовая кукла. Как можно, чтобы это... туда? И названия странные. Слово «член» заставляет думать о чем-то официальном. Приходит в голову организация или комитет. Остальные названия не лучше: медицинский термин «пенис», напротив, звучит по-детски, похож на название игры. Пенис-теннис. Слова, описывающие сам процесс, некрасивые, грубые, наводят на мысли о боли. Представить только... близость, чужое дыхание, запах тела... отвратительно... Меня даже в раздевалке едва не рвало.

Да, тогда было отвратительно, но сейчас... Когда во время поединка я ощущаю запах волос Марджори, мне хочется подойти ближе. Даже несмотря на то, что ее стиральный порошок явно содержит искусственные ароматизаторы и она использует цветочный дезодорант, меня к ней тянет... хотя сама идея до сих пор кажется ужасающей. Я видел фото, я знаю, как выглядит женское тело. Когда я был школьником, мальчики часто передавали по классу видео, где обнаженные женщины танцевали или занимались сексом с мужчинами. Женщины обычно становились красными и потными, и голоса их менялись, больше напоминая крики шимпанзе из передач про животных. Мне сначала было любопытно, потому что в родительском доме я не видел подобных вещей, но быстро наскучило, и женщины всегда выглядели сердитыми или испуганными. Если бы им нравилось, они были бы довольней, думал я.

Я не хотел бы рассердить или напугать женщину. Сердиться и бояться неприятно. От страха люди совершают ошибки. И когда сердятся – тоже. Мистер Нилсон сказал, что иметь чувства сексуального характера нормально, однако не объяснил, что это за чувства, – по крайней мере, я не понял. Мое тело развивалось так же, как и у остальных мальчиков; помню, как я удивился, обнаружив первые темные волосы в промежности. Учитель рассказал нам о сперме и яйцеклетках и о том, как жизнь произрастает из семени. Увидев волосы, я решил, что кто-то посадил в меня семена, но не знал, как именно это произошло. Мама объяснила, что у меня началось половое созревание, и тоже велела не делать глупостей.

Какие чувства имел в виду мистер Нилсон: физические (например, тепло или холод) или душевные (радость или грусть)? При виде голых девушек на фотографиях у меня появлялись физические ощущения, но в душе ничего, кроме отвращения, не возникало.

Я знаю, что Марджори любит фехтовать, но она почти никогда не улыбается во время поединка. Меня учили, что если человек улыбается, значит, он счастлив. Может быть, не всегда? Может быть, эти женщины счастливы?

Когда я захожу к Тому с Люсией, Люсия отправляет меня во двор. Она готовит на кухне, я слышу, как гремят кастрюли. Пахнет специями. Кроме меня, пока никто не пришел.

На заднем дворе Том шлифует свои клинки. Я начинаю растягиваться. С тех пор как умерли мои родители, Том с Люсией – единственная пара, долго живущая в браке, которую я знаю. Поскольку мои родители умерли, я не могу их спросить, что такое брак.

– Вы с Люсией иногда разговариваете друг с другом сердито, – говорю я, глядя Тому в лицо, чтобы понять, не разозлился ли он на мой вопрос.

– Женатые люди иногда ссорятся, – отвечает Том. – Нелегко жить бок о бок долгие годы.

Я долго пытаюсь сформулировать мысль.

– А... если Люсия сердится на тебя... а ты сердисься на нее... значит ли это, что вы друг друга не любите?

Том смотрит удивленно. Потом напряженно смеется.

– Нет, но это трудно объяснить, Лу. Мы любим друг друга, даже когда злимся. Любовь остается за гневом, как стена за шторой или как земля под бушующим морем. Буря пройдет, а земля никуда не денется.

– Буря, – возражаю я, – может затопить город, смыть дома.

– Да, если любовь недостаточно сильная, а гнева слишком много, люди действительно перестают друг друга любить. Но мы не перестали.

Интересно, почему он так уверен. Люсия так часто сердится последние три месяца. Откуда Том знает, что она до сих пор его любит?

– Бывают трудные периоды, – поясняет Том, будто угадав мои мысли. – У нее на работе неприятности... И когда она узнала, что тебя заставляют пройти лечение, тоже расстроилась.

Я никогда не задумывался, что у нормальных людей тоже бывают неприятности на работе. Никто из нормальных людей, которых я знаю, не менял работу на моей памяти. Какие у них могут быть неприятности? Мистер Крэншоу не заставит их испытывать новой метод лечения, если они не хотят. Что у них может случиться?

– Люсия сердится из-за работы или из-за меня?

– Всего понемножку... На нее много навалилось...

– Как-то беспокойно, когда Люсия сердится... – замечаю я.

Том издает странный звук – то ли смешок, то ли что-то еще.

– И не говори! – восклицает он.

Я понимаю, что Том не имеет в виду, что я должен перестать разговаривать, но все же это странное выражение согласия... Почему не сказать «ты прав», например?

– Я подумал насчет турнира, – говорю, – и решил...

Во двор выходит Марджори. Она всегда заходит через дом, хотя многие пользуются калиткой. А что, если Марджори сердилась бы на меня, как Люсия на Тома или как Том с Люсией сердятся на Дона? Я всегда расстраивался, когда на меня злились, даже если люди не были мне симпатичны. Думаю, если бы Марджори на меня сердилась, было бы даже хуже, чем когда сердились родители.

– Решил... – задумчиво повторяет Том и спрашивает, покосившись на Марджори: – И что же?

– Я попробую, – говорю я. – Если можно...

– О, ты решил участвовать в турнире, Лу? – восклицает Марджори. – Как здорово!

– Не можно, а нужно! – говорит Том. – А сейчас послушай мое традиционное напутствие для будущих участников турнира! Часть первая, вводная. Сходи за вещами, Марджори, Лу надо сосредоточиться.

Интересно, сколько там частей? Марджори уходит в дом, и теперь слушать Тома легче.

– Во-первых, с этого момента ты будешь практиковаться как можно больше. Желательно каждый день, вплоть до турнира. Если не получается приехать сюда, хотя бы растягивайся, тренируй шаги и точность удара дома.

Вряд ли я смогу приехать к Тому с Люсией каждый день. Ведь есть еще стирка, закупка продуктов, чистка машины...

– Сколько раз в неделю?

– Сколько успеешь, только смотри, чтобы мышцы не слишком болели, – говорит Том. – Дальше – за неделю до турнира проверь снаряжение. Твое в хорошем состоянии, но проверить не помешает. Посмотрим вместе. У тебя есть запасная шпага?

– Нет... нужно купить?..

– Да, если бюджет позволяет. Если нет – возьми у меня.

– Я куплю.

Вообще, я не планировал, но денег сейчас достаточно.

– Хорошо. Все надо проверить, почистить и продумать, как упаковать. Накануне не тренируемся, нужно отдохнуть. Все упакуй и иди гулять, например.

– А можно просто побыть дома?

– Лучше бы размяться – только не переусердствуй. Хорошо поужинай и ложись спать в обычное время.

План прекрасный, но будет трудно исполнить все, что хочет Том, и еще ходить на работу и выполнять обычные дела. Некоторые из них необязательные, например смотреть телевизор, играть по Сети с друзьями, в центр по субботам тоже можно не ходить, хоть я обычно не пропускаю...

– А вы... у вас бывает практика не только по средам?

– Для участников турнира – да. Приезжай в любой день, кроме вторника. По вторникам у нас с Люсией вечер наедине.

Я чувствую, что краснею. Интересно, каково это – провести с кем-то вечер наедине?

– Я покупаю продукты по вторникам, – говорю я.

Из дома выходят Марджори, Люсия и Макс.

– Довольно напутствий! – говорит Люсия. – Ты его напугаешь. И не забудьте зарегистрироваться!

– Регистрация! – Том бьет себя по лбу.

Он всегда так делает, когда что-то забывает. Не знаю почему. Я пробовал, и это не помогает вспомнить. Том уходит в дом. Я закончил растяжку, но остальные только начинают. Сюзан, Дон и Синди заходят через боковую калитку. Синди несет свою зеленую сумку. Сумку Сюзан несет Дон. Дон идет в дом за снаряжением, Том выходит с бланком, который я должен заполнить и подписать.

Сначала все просто: имя, адрес, контактный номер, рост и вес. Я не знаю, что писать в графе «персонаж».

– Пропусти, – говорит Том. – Это для тех, кто хочет играть роль.

– В пьесе? – спрашиваю я.

– Нет. Они весь день притворяются историческим персонажем. Не настоящим, придуманным.

– Это такая игра?

– Да, точно! И к ним обращаются как к придуманному персонажу.

Когда я говорил о придуманных мной людям учителям, они расстраивались и делали пометки в деле. Мне хотелось бы спросить Тома, часто ли нормальные люди выдумывают персонажей и делает ли это он сам, но я боюсь его расстроить.

– Я, например, – продолжает Том, – в молодые годы звался Пьер Феррет и был шпионом кардинала, выполнял его дьявольские замыслы.

– Разве у кардиналов бывают дьявольские замыслы? – спрашиваю я.

– Кардинал из книжки. Ты разве не читал «Три мушкетера»?

– Нет, – говорю я.

Я даже не слышал про «Трех мушкетеров».

– О, тебе понравилось бы! Но это долгая история – там был злой кардинал, глупая королева, еще более глупый молодой король и три храбрых мушкетера – лучшие в мире фехтовальщики, если не считать д'Артаньяна. Естественно, половина группы хотела быть мушкетерами. Я, молодой и горячий, решил стать шпионом кардинала.

Не представляю Тома шпионом. Не представляю, чтобы Том назывался неким «Пьером Ферретом» и чтобы люди обращались к нему «Пьер Феррет», а не Том. И зачем столько лишних хлопот, если просто хочешь фехтовать?

– А Люсия, – продолжает он, – Люсия была восхитительной придворной дамой.

– Даже не начинай! – говорит Люсия (она не уточняет, что именно Том не должен начинать, но улыбается). – Я уже не в том возрасте!

– Да и я тоже... – говорит Том, однако по его тону не скажешь, что он так думает. Затем добавляет со вздохом: – Но персонаж не обязателен. Это для тех, кому хочется на денек стать другим человеком.

Я не хочу быть другим человеком. Мне даже собой быть тяжело.

Пропускаю все графы, касающиеся персонажа, которого у меня нет, и читаю правила проведения. Они в конце документа жирными буквами. Подписывая, я соглашаюсь, что фехтование опасный спорт и любые полученные мной травмы не будут являться виной организаторов турнира, поэтому мне нельзя подавать на них в суд. Также обещаю соблюдать правила, предусмотренные данным видом спорта, и не оспаривать судебские решения, которые являются окончательными.

Протягиваю подписанный бланк Тому, а тот отдает его Люсии. Она со вздохом кладет бланк в корзинку для вязания.

В четверг вечером я обычно смотрю телевизор, но впереди турнир. Том сказал тренироваться как можно больше. Передевшись, еду к Тому и Люсии. Очень странно проделывать эту дорогу в четверг. Я больше обычного замечаю цвет неба и листьев на деревьях. Том выводит меня во двор, говорит тренировать шаги, а потом отрабатывать комбинации парирования и ответного выпада. Вскоре я дышу с трудом.

– Хорошо! – хвалит Том. – Продолжай! Это упражнения, которые ты сможешь выполнять и дома, ведь у тебя вряд ли получится тренироваться со мной каждый вечер.

Никто больше не приезжает. Через полчаса Том надевает маску, и мы отрабатываем одни и те же комбинации – то быстро, то медленно. Я ожидал другого, но понимаю, чем полезна эта тренировка. Уезжаю около восьми тридцати и, добравшись до дома, уже не могу играть по Сети. Гораздо тяжелей, когда фехтуешь всю тренировку, а не смотришь на остальных, ведь обычно мы деремся по очереди.

Принимаю душ, аккуратно ощупывая новые синяки. Несмотря на усталость и натруженные мышцы, мне хорошо. Мистер Крэншоу пока ничего не сказал про новое лечение и его применение на людях. Марджори воскликнула: «Как здорово!», когда узнала, что я иду на турнир. Том с Люсией не сердятся друг на друга, по крайней мере, не настолько сильно, чтобы расторгнуть брак.

На следующий день я занимаюсь стиркой, но в субботу после уборки вновь еду к Тому и Люсии на урок. В воскресенье я не такой неуклюжий, как в пятницу. В понедельник еще один дополнительный урок. Хорошо, что во вторник у Тома с Люсией запланирован вечер наедине, потому что мне не придется менять день похода за продуктами. Марджори в магазине нет, Дона тоже. В среду еду на фехтование, как обычно. Марджори не пришла, Люсия говорит: она в поездке. Люсия выдает мне специальную одежду для турнира. Том говорит не приезжать в четверг: я уже достаточно подготовился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.